

ДИАНА ХАНТ

18+

ИЗБРАННАЯ
ДЕМОНОМ

Диана Хант

Избранная демоном

«Автор»

2018

Хант Д.

Избранная демоном / Д. Хант — «Автор», 2018

Я - дочь царя демонов Вершины Мира, где каждый год равен человеческому столетию. Впереди долгая и счастливая жизнь с любимым, но мечты и планы осыпаются прахом, когда появляется Он. Жестокий воин, которому неведомы пощада и жалость. Именно меня он решил сделать своей игрушкой... И теперь ни одна сила в мире не сможет его остановить.

© Хант Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть I. Бхукти-Джар	13
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Диана Хант

Избранная демоном

Пролог

– Рахаат! Ну где же ты! Если Слияние начнется без нас, никогда тебе не прощу!

Голос сестры звучал скорее моляще, чем требовательно.

Закусив губу, я закрепила последнюю складку на энтари, и, подпоясавшись, обернулась к зеркалу. На меня смотрела пери с коралловой кожей в облаке тканей цвета слоновой кости. Энтари щедро расшито жемчугом, особенно по линии груди, и с каждым вздохом переливается перламутром. Шальвары в цвет из прозрачной ткани не скрывают формы и длины ног. Тонкая рубашка, гемлек, что виднеется из разрезов-рукавов энтари также прозрачная, что подчеркивает нежно-рубиновый цвет кожи.

Последними движениями я поправила вуаль, забранную под обруч, и выскочила из покоев.

Лала ожидала в саду, перетаптываясь с ноги на ногу. Кожа у сестры алебастровая, а копна волос цвета воронового крыла с едва заметными синими прядями, в тон озорных рожек. Завидев меня, огромные бирюзовые глаза словно засветились изнутри.

Не слушая упреков, я быстро пробежала мимо, оставив сестру за спиной и направилась к увитой цветами арке ворот.

– Конечно, для тебя это не первое Слияние! – обиженно пролепетала Лала, догоняя меня. Звон браслетов на руках и ногах Лалы усилил мой и улицу наполнил чарующий звон, словно невидимые феи звонят в хрустальные колокольчики.

– Мы вовсе не опаздываем, – крикнула я на бегу. – И Слияние – это всегда, как в первый раз!

– Но меня-то раньше не допускали в Святилище во время обряда! – резонно напомнила Лала и мне нечего было возразить.

К древнейшему обряду пери сестру, пока не достигла десятилетнего возраста, и вправду не допускали. А красочные описания хранилищ наслаждений и даже рисунки в учебниках и свитках не способны передать священного трепета и остальных ощущений, как когда присутствуешь на Слиянии.

Мы бежали по затихшим улочкам Бхукти-Джар, одного из семи царств Вершины мира. На пути нам встречались лишь дети, которые провожали двух пери из царской семьи завистливыми взглядами.

Солнце уверенно клонилось к закату и хрустальная паутина купола, изготовленного из слез богини, отбрасывает на дома в самоцветных камнях и кристаллах длинные, причудливые тени.

– Эй, Лала, а не слишком ли ты мала для ритуала? – обиженным голосом крикнула юная темноволосая пери, высунувшись по пояс из огромного, в три человеческих роста, окна.

– Мне уже десять, Криша! – на бегу ответила сестра. – Но ты не расстраивайся, что пока не доросла! Я буду смотреть внимательно, чтобы потом рассказать тебе во всех подробностях!

Криша насупилась, прикусив язычок, а я прыснула и нетерпеливо дернула сестру за руку.

– Не будет задаваться, – пожаловалась мне Лала.

Мы миновали еще несколько улочек, вымощенных золотой плиткой, с вкраплениями драгоценных камней по тротуару, прежде, чем достигли Обители Матери.

Со всех сторон в Обитель стекаются пери, тэны, люди, подтвердившие, что имеют право присутствовать. Мы с Лалой обогнули основной поток и юркнули в узкий коридор, устремившись по высокой лестнице, по проходу, предназначенному лишь для царской семьи.

Если мостовые Бхукти-Джар вымощены золотой плиткой, то ступени и полы Обители изготовлены из горного хрусталя, чистого, как слезы Матери, и крепкого, как воля богини. Вделанные в стены изумруды, хризолиты и цветные кристаллы отражаются от прозрачных ступеней и освещают наш путь. Мы миновали несколько длинных коридоров и анфилад Обители, пока, наконец, не вышли к подножию Святилища на священную площадь. По случаю предстоящего ритуала здесь собрались самые достойные.

Родители не заметили нашего отсутствия, их внимание было приковано к подножию гигантской статуи Матери.

Сегодня великий царь и прекрасная царица выдают замуж четвертую дочь.

Латана с Ракшми, завидев нас, скривились и облегченно выдохнули одновременно.

– Рахаат! Лала! Где вас ракшасы носят? Вы чуть было не опоздали к началу!

– Это все Рахаат, – не задумываясь, наябедничала Лала, и, казалось, не заметила моего щипка: вниманием сестры завладело подножие статуи, украшенное и подготовленное к предстоящему Слиянию.

Я же, как всегда, зачарованно уставилась на огромный нефритовый столп, что держит хрустальный трон со статуей Матери на нем. Анахита выполнена так искусно, что мне всегда казалось, на хрустальном троне восседает живая богиня. Иначе как объяснить чудеса, которые случаются каждый раз на Слиянии?

Вокруг столпа с украшенным цветами подножием и двумя платформами. Для царской четы и верховной жрицы. Сегодня здесь собрались пери, тэны и люди. Все население Бхукти-Джар и сопредельных царств устремилось сегодня в Обитель.

Первый круг вокруг столпа, что держит трон со статуей Матери, образуют женщины всех возрастов. Как пери, так и человеческие, рожденные от пери и обычных людей. Яркие, струящиеся ткани на гибких телах, сияющие улыбками глаза, закушенные в ожидании губы – женщины ждут Слияния. Нотки цветов, пряностей, освежающих фруктов витают в воздухе, обволакивая ценнейшую половину населения Бхукти-Джар. Нетерпеливый звон браслетов звучит подобно нежной мелодии.

Плотным кольцом на небольшом возвышении, охраняя чувственное средоточие Бхукти-Джар, стоят воины: сильнейшие тэны и лучшие человеческие воины, издревле живущие на Вершине мира. Груды каменных мышц, свирепые взгляды, воинские татуировки – все в них говорит о том, что нежным цветам Бхукти-Джар ничего не грозит.

Верховная чета – пери с рубиновой кожей и грозный черногривый тэн восседают на возвышении, увитом цветами. Я бросила осторожный взгляд на родителей, проверить, действительно ли они не заметили нашего с Лалой опоздания? И, когда поймала взгляд, которым грозный царь одарил свою царицу, привычно покраснела.

Толпа затихла, замерла: по ступеням, ведущим к готовому к Слиянию подножию заскользили пери в струящихся огненных одеждах. Высокие канделябры со священным пламенем, что возвышаются на головах танцовщиц, бросают блики на первые ряды.

Чувственные, полные страсти движения завладели всеобщим вниманием. Стих нежный перезвон браслетов, даже дыхание приглашенных, казалось, замерло на миг, а когда возобновилось, было уже единым.

Возобновился и звон украшений: только теперь он звучит в такт невидимым барабанам, направляющим каждое движение танцовщиц.

Полные груди, едва прикрытые огненной тканью, покачиваются в такт чувственным ударами бедер, лица пери по древнему обычаю скрывают плотные черные вуали.

На лицах живут лишь глаза – томные, немного надменные, затуманенные от страсти. Говорить глазам помогают руки, до самых кончиков пальцев, что порхают в танце подобно крыльям летящих на огонь мотыльков, а также чувственные удары бедрами и манящие изгибы тел.

Лала, открыв рот, вцепилась в мою руку, не в силах отвести взгляд от танца страсти. И я понимала сестренку. Каждая пери обучается священным танцам с младенчества и постоянно видит, как танцуют другие... Но танец у подножия трона Матери, перед священным брачным ритуалом – верх нашего искусства. У меня самой перехватило дыхание, когда навеянные чудесными движениями, над площадью заскользили волны чувственных ароматов. Наслаждения – от женщин, и неумемного желания – от мужчин.

Танец становился все чувственнее, все стремительнее.

Танцовщицы нагибались, нежно поводя бедрами, полностью открывая груди на обозрение стоящих на возвышении мужчин, а распрямившись, чувственно били бедрами, имитируя священный акт слияния. По полуобнаженным телам то и дело проходила дрожь, что значит, чувственные тела пери пронзают сладостные молнии.

Хоть мы находились далеко от кольца воинов, мне было видно, как хищно раздуваются их ноздри, темнеют глаза, по щекам ходят желваки, на груди перекатываются мускулы. Казалось, я даже слышу их хриплое, прерывистое дыхание.

Внезапно на площадь опустилась тишина, стихли невидимые барабаны и звон браслетов, замерли в откровенных и чувственных позах прекрасные танцовщицы. Медленно и осторожно они сняли сияющие канделябры с голов и опустили каждая на ступени рядом с собой. Сами уселись следом, приняв соблазнительные позы.

Прекрасные тела продолжают сотрясать сладостные судороги, влажные взгляды покояют откровенным наслаждением, а набухшие соски грозятся пробить ткань священных одеяний.

В полной тишине на вторую платформу у подножия статуи поднялась верховная жрица.

Смиренно склонившись перед статуей Анахиты, она обернулась к замеревшей в священном трепете толпе.

– Услышь нас, Анахита! – воззвала она, простирая к статуе руки. – Услышь своих детей! Прекрасные пери и могучие тэны, склонитесь перед своей матерью!

Как и прочие, я склонила колени, положив ладони на драгоценные плиты и опустила голову. А когда подняла взгляд, ахнула, увидев, что статуя Анахиты, восседающей на хрустальном троне засияла.

Рядом изумленно пискнула Лала, впервые узрев силу преданности Анахите. В следующий миг рука Ракшми дернула ухо младшей сестры, чтобы та не смела нарушать благоговейную тишину.

– Мать слышит нас! – возвестила верховная жрица и коленопреклоненные пери, тэны и люди подняли головы. – Мать готова принять жертву!

Обернувшись к тсару и тсари, которые подтвердили готовность к ритуалу кивками, верховная жрица приступила к обязательной части. Напоминанию народу Вершины мира нашей истории.

– Во времена, когда восемь Изначальных богов бились за силу небес могучий Ариман, хозяин демонов, чья сила была подобна изначальному мраку и неведению, бросил вызов главному богу: Оромазду, кто телом был подобен свету, а мудростью – изначальной истине!

Площадь смиренно затихла, не поднимаясь с колен, время от времени переводя взгляды со жрицы в огненной струящейся тоге на излучающую мерное сияние статую Матери.

– В стремлении одолеть Оромазда и захватить небесный трон Ариман создал демоническое войско: демонов тэнгериев, чья кровь была самой яростью, воля подчинена одному лишь гневу, а смысл жизни был направлен лишь на желание убивать. Страшному войску, восстав-

шему из бездны, удалось пошатнуть небесный трон в Тысячелетней войне и погрузить миры в хаос.

Я оглянулась на Лалу и увидела, как по щеке сестры катится одинокая слеза. Я понимающе улыбнулась: каждая пери знает историю своего народа, и пусть Тысячелетняя война давно позади, мы скорбим о совершенном предками.

– Полчища демонов-тэнгериев сеяли хаос и страдание, насильовали и убивали, стирали с лица земли целые города, погружали народы во мрак и ужас! – вещала жрица. – Оставшиеся в живых люди отрекались и проклинали богов, допустивших такое. Тогда Оромазд призвал остальных богов к союзу. Разделив власть и силу поровну, Семеро сумели обуздать полчища тэнгериев, что плодила бездна.

Лала закрыла рот рукой, чтобы не всхлипывать, явно понимая, что в наступившей тишине ее услышат все. Я непроизвольно повторила жест сестры, с удивлением заметив, что щеки мокрые от слез.

– Десять веков тэнгерии страдали в бездне, проклятые богами и людьми, прежде, чем сердце богини Анахиты тронула жалость. На совете Семерых Анахита сказала, что намерена даровать тэнгериям Прощение, и пятеро из семерых проголосовали против. Но когда Анахита поклялась, что тэнгерии искупят вину и рассказала, как этого добьется, еще двое отдали свои голоса.

Так Анахита стала матерью тэнгериев, матерью демонов.

Она призвала наш народ из бедны, даровав Прощение. Но поставила условие: прощение остальных живых существ тэнгериям предстоит еще заслужить. Чтобы демоны поняли глубину своих ошибок, им предстояло учиться Любви.

Каждой тэнгерии Анахита даровала сущность пери: прекрасного, как богиня, существа, которое не может жить без любви.

Впервые пройдя через слияние пери зависит от живительного семени господина, который с тех пор именуется хозяином ее жизни.

Что касается тэнгериев, им внушено преклонение пред сильнейшим на глубинном уровне. Вот почему тэны беспрекословно подчиняются сильнейшим – тсарам, а те – сонму богов.

Да, на нашем языке тэн – значит воин, но воин, который свято чтит право сильнейшего и священные законы тэнгериев.

Да, пери, значит, обольстительница, но обольщает пери лишь хозяина своей жизни, ибо сказала богиня тэнгериям вступать в браки с сильнейшими и не вступать в слияние с недостойными, ибо только так можно научиться любви.

Прошло пять веков, и нам удалось получить прощение богов и людей, для которых Тысячелетняя война – не более, чем страшная история, что пугают вечерами детей.

Узрев силу нашего раскаяния, боги даровали нам священное место для жизни – Вершину мира, и поэтому люди зовут наш народ небожителями.

Сила героев часто нужна там, внизу, и поэтому тэны спускаются к людям.

Пери же редко покидают священные земли. В первые века звало вниз раскаяние, но прощение богов даровало нам право не покидать Вершины.

Цель нашей жизни – Мир, Любовь и благоденствие Матери!

После этих слов все поднялись с колен, и, простирая руки к статуе, вознесли слова восхваления.

Как и остальные, я дотронулась пальцами до середины лба, затем до губ, середины груди и рожек, и простерла руки к статуе, что говорит о том, что мой ум, речь, чувства и демоническая сущность принадлежат богине Анахите, той, кто сжалилась над моим народом, той, кто бросил вызов другим богам, чтобы подарить нам Прощение и научить Любви.

Если до этого слезы текли одиночными дорожками, то сейчас я плакала навзрыд, как и другие пери, выражая вечную благодарность богине Анахите.

– Согласно нашему обычаю, первое Слияние пары, вступившей в священный союз, принадлежит Матери! – возвестила жрица.

В руке ее зазмеилась лента, которая спустя несколько мгновений превратилась в золотой посох с огромным рубином в набалдашнике. Трижды ударив им по увитой цветами платформе, жрица возвестила:

– Сегодня, в день, когда четвертая дочь великого тсара Оридана Мудрого и прекрасной тсари Астарты Огненной вступает в священный брак с первым сыном великого тсара Митрата Смелого и прекрасной тсари Велеи Обольстительной, священное действие их первого Слияния мы преподносим Матери, как знак, что чтим ее заветы!

Аридна, Гард, поднимитесь сюда!

Сестру сопровождали жрицы в струящихся огненных одеждах, ее будущего мужа – воины его клана.

Стоило сестре подняться над площадью, по толпе раздался вздох изумления.

Кожа у Аридни розовая, но не коралловая, как у меня, и не такая яркая, как у мамы, скорее, цвета чайной розы, а волосы, как у Лалы, в отца – черные, как ночь.

Рожки золотые, и золотые же пряди в смоляной копне волос, распущенных, в соответствии с ритуалом, по плечам. Тяжелые смоляные потоки с золотыми искринками окутывают стройную, гибкую фигурку до пояса.

На Аридне красный, цвета Матери, наряд: просторная туника, скрепленная золотом на плечах, и золотой пояс. Я знала, что Аридна только что совершила священное омовение в одной из купелей Обители, и поэтому туника прилипает к чуть влажной коже, облекая высокую упругую грудь, манящий изгиб крутых бедер.

Гарда, огромного смуглого тэна в окружении сильнейших воинов клана, толпа встретила молча, но на лицах женщин читалось восхищение, а на мужских – одобрение и признание силы.

Смуглый, огромный, с чуть влажными волосами, в короткой повязке на узких бедрах, тэн великолепен, а перекатывающиеся под кожей мускулы красноречиво говорят о том, что татуировка на правой щеке, высший знак отличия воина, заслуженна.

Проводив новобрачного к подножию статуи, воины клана, преклонив левое колено перед тсаром и тсари и почтительно склонив головы, удалились, заняв место во внешнем кольце.

Жрица снова ударила посохом, вызвав у своих ног вспышку и наполнив сиянием небо над головой.

Повинуясь ее знаку, новобрачные приблизились друг к другу.

Малышка Лала восторженно застонала, закусив губу, увидев, с какой любовью Гард смотрит на Ариадну. Я положила руку ей на макушку, как зачарованная продолжая наблюдать за встречей сестры и ее возлюбленного.

Гард сделал шаг навстречу невесте, и та замерла, словно статуя. И без того розовые щеки окрасил румянец, опущенные ресницы дрогнули.

Посох жрицы вновь ударил о хрусталь платформы и новая вспышка над головами осветила половину неба. Когда жрица ударила третий раз, Гард рывком подхватил хрупкую фигурку сестры и принялся подниматься к подножию статуи с Ариадной на руках.

Сильные пальцы сжимали хрупкое тело пери с такой нежностью, что я, наблюдая это, ощутила, как по коже прокатилась волна удовольствия, а в груди сдавило от нежности.

Оказавшись у подножия, у покрытого алым алтаря, Гард осторожно поставил Ариадну на ноги, и, когда та, ослабленная его прикосновениями, покачнулась, придержал за плечи. Зеленые глаза Аридни затуманились от страсти, а щеки алели от смущения. Стараясь скрыть волнение, сестра закусила губу, но в следующий миг опомнилась и провела розовым язычком по губам, не отрывая взгляда от возлюбленного.

Гард потянул за золотые завязки на плечах невесты и отступил.

Алая ткань соскользнула с плеч к ногам пери, обнажив пышную высокую грудь, тонкую талию, длинные, стройные ноги. Толпа замерла, узрев совершенное тело пери.

Первым порывом Аридни было прикрыть наготу ладонями, но в следующий миг она чуть прикусила губу и медленно обернулась вокруг.

Рывком Гард сорвал с бедер повязку и толпа восторженно взревела, приветствуя его мужественность.

Представ перед невестой во всем великолепии, Гард ободряюще улыбнулся ей.

Я заметила, что Аридна коротко, облегченно выдохнула, а затем подняла руки и завела их за голову, позволяя жениху вдосталь насладиться созерцанием высокой упругой груди с темными вишнями сосков.

Глядя на будущую жену, Гард слотнул слюну, а его давно готовое к любовной схватке средоточие мужественности, дернулось.

Пери с детства обучаются обольстительным танцам, грация и изящество у нас в крови. Аридна не танцевала, ибо танцевать невесте запрещает традиция, но ее едва уловимые движения заставляли глаза жениха темнеть от страсти, а дыхание сбиваться.

Раздались звуки невидимых барабанов и танцовщицы, что прежде танцевали с канделябрами, поднялись со своих мест.

На этот раз они плавными, чувственными движениями скинули прозрачные повязки на груди и длинные юбки и предстали перед площадью обнаженными, как и новобрачные.

Повинуясь ритму барабанов, они вновь закружились в танце у подножия нефритового столпа, но на этот раз каждое движение их было полно нежности и томящей мольбы.

Когда Гард коснулся нежной кожи сестры снова, у меня внизу сладостно потянуло, словно сильные смуглые пальцы коснулись меня. Пальцы Гарда прошли по щеке Аридни, заставив ее ресницы задрожать и опуститься, а меня всхлипнуть от переполняющей чувственности. Я знала, что то же испытывают остальные пери, даже малышка Лала, ведь пери – самые чувственные создания во всех мирах. Рука Гарда скользнула вниз, лаская шею, наконец, опустилась на грудь, отчего ладонь наполнилась, а Аридна запрокинула голову, приоткрыв губы. Опустив вторую руку на бедра сестры, Гард притянул ее к себе рывком, а у меня дернуло внизу. Над площадью повис сладкий, манящий аромат желания, волнами окутывая статую Матери, отчего та засветилась ярче. Видя радость Матери, тэны восторженно взревели, а прекрасные пери вторили им чувственными стонами.

– Прими наш Дар, Анахита! – возвестила жрица, снова ударив посохом и толпа поддержала ее тысячей голосов.

– Прими наш Дар, Анахита! – закричали пери и тэны, не отрывая глаз от новобрачных.

Гард притянул Аридну к себе и припал в поцелуе к раскрытым губам. Сестра дрожала, обнимая мужа в ответ, скользя ладошками по бугристым плечам и спине. Гард целовал долго, жадно, колени сестры давно подкосились, и, если бы не сильные объятия, давно осела бы к подножию столпа. Задохнувшись, Аридна запрокинула голову и застонала, когда Гард принялся покрывать поцелуями ее тело. Он держал ее на весу, с легкостью с которой держат ребенка, зарывался лицом между торчащих вперед розовых полушарий, скользил губами по животу, нежно сжимал пальцами бедра.

Ритм барабанов нарастал, движения обнаженных танцовщиц становились все более чувственными, все более завлекающими.

Аридна запустила пальцы в густую шевелюру Гарда и постанывала от наслаждения, которое он ей дарил. То и дело мягкое, гибкое тело сестры сотрясала дрожь страсти.

Моя голова кружилась, взгляд, как и у сестры, затуманился, я с волнением следила за каждым движением новобрачных, боясь пропустить хоть самую малость.

Страсть разогрела тело, груди набухли, внизу живота сосредоточилось тянущее томление, которое время от времени выстреливало огненной стрелой. Я собиралась положить руки на набухшие соски, многие перы уже ласкали себя таким образом, когда маленькая влажная ладошка скользнула в мою руку.

Не в силах сдержать стон, я отвела взгляд от происходящего у алтаря и посмотрела на Лалу. Сестренку била дрожь, а зрачки расширились. И вместе с этим в глазах и на личике читалось удивление.

– Что, Лала? – спросила я пересохшими губами. – Что ты хочешь спросить?

– Почему Аридна почти не ласкает Гарда? – прошептала Лала. – Ведь я чувствую, она с трудом сдерживается, чтобы не начать проделывать с ним все то, что и он с ней, и даже больше? Почему не касается губами и руками его мужественности, но лишь трется о его достоинство всеми частями тела, стоит ему привлечь ее к себе?

Я положила ладонь на подрагивающие от возбуждения и любопытства губы сестры, и, склонившись к вороной макушке, пояснила:

– Свое искусство любви перы показывает хозяину ее жизни наедине, делать это при всех – грех, так завещала Мать. Перы должна быть изощрена и невинна одновременно и может принадлежать только одному господину.

– Бедная Аридна, – простонала Лала, восторженно уставившись на то, что происходит у подножия Анахиты. – Как ей, должно быть, тяжело сдерживаться.

Я присмотрелась к лицу сестры, на котором читалась мольба даровать ей блаженство. Стоило снова нырнуть в сладостную негу, как меня опять дернули за руку.

Склонившись над Лалой, чтобы не мешать другим, я спросила ее глазами, что она хочет.

– А Гарду можно ласкать сестру прилюдно? – спросила малышка, волнуясь. – Это не грех?

– Даруя любовь и блаженство сестре, он дарует любовь и блаженство Матери, – прошептала я. – Вечноюной перы и самой чувственной богине из Семерых. Ты же знаешь, Анахита – богиня плодородия, и как сама земля, она млеет от счастья, когда ее тело вспахивают и оживляют своими движениями. В первое слияние воин берет не перы, а саму Анахиту.

Лала кивнула, что означало, сестра поняла, и я снова воззрилась на происходящее у подножия.

Хриплым от страсти голосом Аридна призвала воина взять ее, но Гард не спешил.

Памятуя законы, которые гласят, что воин-тэн не может уподобляться зеленому юнцу, который набрасывается на женщину, лишая тем удовольствия ее и себя, а сам контролирует ситуацию и страсть своей госпожи, его умелые руки ласкали, мяли, похлопывали, пальцы впились в манящую розовую плоть, отчего голова сестры моталась из стороны в сторону, а перы, с затаенным дыханием наблюдающие за сладкой игрой не могли сдержать стоны и всхлипы.

Подхватив невесту под бедра одной рукой, Гард поднял ее и тесно прижал влажной расщелиной к огромному выпирающему жезлу. Затем принялся совершать ритмичные движения.

Аридна то прижималась к мужу теснее и впивалась пальцами в его плечи, то откидывалась назад и принималась стонать в голос, умоляя даровать ей блаженство.

При этом бедра сестры вздрагивали и прижимаясь к его пульсирующей плоти так тесно, словно хотели его поглотить, повторяя просьбу сестры на языке тела.

Над кольцом тэнов, стоящих на возвышении, прокатился раскатный рев, это значило, что воин прошел последнее испытание – явил свою сдержанность перед лицом страсти, обозначил себя хозяином и господином.

– Возьми же меня! – плакала Аридна. – Наполни собой, излей свое семя! Прошу тебя, Гард, стань хозяином моей жизни! Я твоя!

Грохот барабанов наполнил пространство, взмывая ввысь, ловкие пальцы танцовщиц принялись скользить по груди и ласкать себя между бедер. Танец обрел иное звучание: каждое движение словно потяжелело, до краев налившись чувственностью.

Жрица высоко подняла золотой жезл и с размаху ударила им о хрусталь платформы, напоив пространство звоном. Тэны, которым запрещалось вносить оружие в Обитель Матери, подняли деревянные посохи и обрушили вниз.

Земля подо мной закачалась, а огненные стрелы, бьющие снизу, грозили разорвать тело.

Статуя Анахиты на троне засияла так, что свет ее, казалось, достиг самих небесных Чертогов.

Дрожащими от страсти руками Гард уложил подрагивающее тело сестры на алтарь, и стоило ему приблизиться, она призывно обхватила его ногами.

Повинуясь ритму, задаваемому барабанами и гулками ударами о землю посохов тэнов, Гард ворвался в лоно сестры, огласив площадь ее пронзительным воплем.

Повинуясь ритму, он принялся бить бедрами, в то время, как розовое тело на алтаре извивалось от страсти.

Аридна кричала, стонала, молила не останавливаться, на короткое время замолкала и принималась молить снова.

Под стук о землю посохов в руках воинов, мы, пери, положили друг другу руки на плечи и принялись покачиваться в такт.

Жрица запела песню страсти, и мы все, не в силах больше смотреть на сладостную схватку на алтаре, закрыли глаза и подхватили напев.

Я понимала, что только плечи сестер не позволяют мне осесть на землю и забиться в сладостных конвульсиях. Блаженство наполнило до самых кончиков пальцев, увлекло в сладкую бездну наслаждения, откуда, казалось, нет возврата. Каждый раз на ритуале Слияния последней мыслью была – что не подозревала, что такое может происходить с моим телом. Внизу пульсировало и сжималось, словно не сестру, а меня сейчас наполнял собой свирепый воин.

Я не знаю, сколько это продолжалось, тело раскачивалось в едином ритме с другими, слух наполняли яростные удары барабанов и посохов. Казалось, прошла вечность, а я утратила свое тело, которое стало легким и прозрачным... Я наблюдала за Слиянием свысока.

Смуглые бедра били яростно, сминая розовую плоть, подчиняя ее желание своей воле. Гард оказался поистине ненасытным, и судя по тому, как в пароксизме страсти прижималась к нему сестра, ей это очень нравилось.

Она прижимала его к себе ногами, направляя движения, словно хотела вобрать в себя еще глубже. С дикими криками впивалась когтями в мускулы рук и плеч, мотала головой из стороны в сторону, и, поднявшись, вгрызалась в шею.

Должно быть, когда укусы и царапания становились слишком болезненными, Гард, не прерывая движений, заводил ее руки за голову, и, продолжая яростно бить бедрами, покрывал лицо, шею и грудь поцелуями. Они что-то говорили друг другу, может даже кричали, но мне, сверху, ослепленной сиянием Матери, не было слышно ни слова.

Наконец, площадь потряс громогласный рев, и в наступившей тишине Гард прорычал:

– Ты – моя!

Сестра не ответила ему, удар страсти оказался такой силы, что Аридна утратила сознание.

Муж привел ее в себя поцелуями, и, распахнув мокрые ресницы, Аридна объявила на всю площадь:

– Я твоя, великий воин Гард. Отныне ты хозяин моей жизни.

Часть I. Бхукти-Джар

Глава 1

Кажется, я утратила сознание, потому что ослепительное сияние статуи куда-то ушло, а перед глазами повисла красная пелена. Сквозь сладкие волны, прокатывающиеся по телу, я услышала, как жрица объявила, что богиня довольна жертвой, а царь и цари пригласили всех во дворец на пир.

Из томной неги меня вернул звонкий голосок Лалы:

– Ты конечно, заметила Арона? Не вздумай никуда с ним исчезнуть! Да и двух Слияний за день ни наша семья, ни жители благородного Бхукти-Джар не вынесут!

– Арона? – воскликнула я и пришла в себя. Приподнимаясь на гладком полу, который нагрелся от тепла тел, я почувствовала, что краснею.

– Ты посмотри на нее, – сказала Ракшми, и Латана захихикала. – В ее жизни это первое Слияние, а она уже полна сил и бодрости!

– И желанья подшучивать над Рахаат, – поддержала сестру-близнеца Латана. – На твоём месте, Рахаат, я бы накрутила ей уши!

Лала привычно увернулась от рук сестры и довольно захихикала.

– Ей сейчас не до моих ушей! Посмотрите сами, стоило прозвучать имени Арона, и наша пятая принцесса воспряла.

– Он был здесь? – спросила я.

– А как же! – фыркнула сестренка. – Вон там стоял, и, между прочим, глаз с тебя не сводил! Словно это было ваше Слияние.

Я возмущенно фыркнула, а сестры засмеялись.

– Видно, оно и в правду не за горами, – протянула Латана. – разве не знаешь, сестра? Устами младенца глаголет истина!

– Я не младенец! – возопила Лала, а Ракшми с Латаной гадко захихикали.

Воспользовавшись тем, что вниманием близняшек завладела младшенькая, я проследила глазами направление, в котором указывала Лала. Последние воины покидают помост для мужчин, женщины яркими струящимися потоками стремятся к арке входа. Мы с сестрами одни из последних, лишь несколько служанок наблюдают за нами, готовые сопроводить принцесс во дворец.

Заметив это, Латана отпустила их взмахом руки.

– Пусть бегут, – сказала она. – Им не терпится оказаться на празднике.

– Да, лучше подождем, пока кончится эта суета, – согласилась я, а сестры снова захихикали.

– Конечно, подождем, обсудить твое предстоящее Слияние с Ароном куда интереснее, – сказала Ракшми, невинно хлопая ресницами.

Заметив, что мои щеки заалели, сестры развеселились еще больше.

– Пока рано говорить о Слиянии с принцем Сухуби.

– Принц Сухуби, должно быть и прибыл в Бхукти-Джар, чтобы просить отца о пятой дочери, – многозначительно показав на меня глазами, сказала Латана.

– Самой прекрасной из всех пери царской семьи! – коварно пропела Ракшми. – Прекрасной пери, ясноокой Рахаат!

– Я тоже прекрасна! – обиделась Лана. Сестренка скрестила руки на груди и надула губы.

– Прекрасна, спору нет, – не стала спорить Ракшми. – Но пока не доросла. И мы с Латаной тоже. Нам всего по тринадцать.

– А коралловой Рахаат – пятнадцать, что значит, она целиком и полностью готова к Сли-
янию! – поддержала Латана.

– И теперь, когда Аридна тоже замужем...

– Дело за пятой дочерью!

– Готова поспорить, Арон будет творить чудеса с Рахаат на священном алтаре! Будет брать ее так сильно и неистово, как Гард Аридну, – пробормотала Латана и зеленые глаза ее затуманились.

– А я надеюсь, он поступит с ней, как Вадэс с Мирой, – протянула Ракшми.

Повернувшись к Лале, которая смотрит на близняшек с открытым ртом, она пояснила:

– Вадэс целовал каждый палец на ногах Миры, ласкал ее ступни, словно играл с голуб-
ками.

– Мире это понравилось! – заверила Латана, а личико младшей обрело мечтательное
выражение.

– А затем он припал губами к средоточию ее женственности...

– И ласкал языком так долго, что она потеряла сознание от страсти...

– Готова поспорить, что Рахаат это понравится...

– Хватит! – рассерженно перебила я близняшек к негодованию Лалы. – Перестаньте гово-
рить обо мне, словно меня здесь нет! Если Лала не ошиблась, и видела Арона, это значит всего
лишь, что он явился с нижней земли.

– Это значит, что он теперь великий воин и может стать хозяином жизни пери, – сооб-
щила Ракшми и показала мне язык, и сестры расхохотались.

– И не мешай нам получать удовольствие от твоего Слиания!

– Не будь эгоисткой!

– Вот когда будет Слиание, тогда и насладитесь! – строго сказала я. – На сегодня с нас
со всех достаточно. И будьте добры, поторопитесь! Родители давно ждут своих дочерей во
дворце, на пиру. А слугам может попасть, если вернутся без нас!

Сестры приняли мою правоту с ворчанием. Но слово старшей принцессы – закон, а
теперь, когда Аридна стала женой Гарда, старшая принцесса в семье – я. Поэтому, повинуюсь,
Ракшми с Латаной помогли подняться младшенькой и даже разгладили складки на ее энтари,
а затем позаботились обо мне.

Мы обошли столп и скрылись в коридоре, по которому пришли сюда. Через несколько
минут вышли с обратной стороны Обители, прямо на опустевшую по случаю праздника улицу.
Над крышами домов лилась веселая мелодия, со стороны дворца раздавался гомон, что гово-
рит, все население Бхукти-Джар празднует Слиание четвертой дочери правящей четы. Самые
именитые горожане и гости празднуют во дворце, для остальных выставлены роскошные столы
в окрестностях.

Серьезная и практичная Латана предложила воспользоваться тоннелем из слез богини,
что соединяет Обитель с дворцовой целлой. Для этого надо пройти обратно в Обитель, перейти
в противоположное крыло, подняться по винтовой лестнице и пройти по хрустальной дуге над
городом Бхукти.

– Долго и неинтересно, – разочарованно протянула Лала. Утром я сочла этот аргумент
справедливым, и мы с младшенькой шли на Слиание одни, по улицам города.

Латана не преминула напомнить, как еще недавно Лала обожала лазить по хрустальным
коридорам, и обошла всю прозрачную паутину над городом.

– Так то в обычные дни, а то в праздник, – проняла младшая принцесса. – Там представ-
ления, танцоры, факиры, живые деревья, игры, светящиеся мотыльки с метровыми крыльями,
музыка! Хоть посмотреть на все это веселье, прежде, чем этот скучный пир во дворце!

Судя по тому, как сглотнула Ракшми, одна из близняшек точно согласна с Лалой.

– А ты что думаешь, Рахаат? – спросила, наморщив лоб, Латана.

– Пошли через город, – сказала я, не желая тащиться по бесконечным хрустальным лестницам.

Ракшми с Лалой просияли, а я строго добавила:

– Только заранее договоримся: за столы не усаживаемся, с горожанами не танцуем! По крайней мере, пока не закончится официальная часть во дворце!

Личико младшенькой тут же скривилось, и Лала пробурчала, что ничего скучнее церемонии Приветствия она в жизни не видела.

Я, хмыкнув, промолчала, признавая ее правоту. Сидеть с прямой спиной у подножия трона родителей и ждать, пока самые именитые приглашенные поприветствуют нашу семью и поздравят со священным Слиянием четвертой дочери – скука смертная.

Мы поспешили во дворец. Близнецы, подхватив Лалу за руки, я, чуть замешкавшись, следом. Стоило оказаться в нарядной оживленной толпе, со всех сторон зазвучали приветствия и поздравления. Несколько раз нас чуть не увлекли в танцы, но мы с Латаной были неумолимы – сначала долг, затем развлечения. Ракшми с Лалой пришлось подчиниться.

Но когда благополучно миновали дворцовый сад, весь в сияющих беседках по случаю праздника, я вздохнула с облегчением.

У подножия лестницы чьи-то пальцы сомкнулись на моем плече и мягко повлекли за собой.

По трепету в груди и собственному потяжелевшему дыханию я сразу узнала наглеца, кто посмел прервать путь царской дочери. Убедившись, что сестры скрылись во дворце, я мастерски изобразила возмущение, но шагу не сбавила.

Арон увлек меня в слабоосвещенную часть сада и через минуту мы оказались в беседке, из которой чья-то предусмотрительная рука выгнала всех осветительных мотыльков. Оказавшись внутри я выглянула в окно, из которого видно, как мимо скользят слуги с подносами, шествуют пери и тэны, но нас никто не замечает.

Сзади раздалось тяжелое дыхание. Подрагивающие от волнения пальцы сжались на моих плечах.

Я вздрогнула, но тут же, изображая крайнюю степень возмущения, отстранилась и прошипела:

– Что ты себе позволяешь! А если кто-то увидит, что скажут?

Арон убрал руки и отступил к дальней стене, больше не касаясь меня.

Известно, что женщины, а тем более, пери, единственная, но весомая слабость тэнов и нахождение со мной наедине для него невыносимо.

Замерев, он окинул меня восхищенным взглядом. После неловкой паузы, наконец, заговорил:

– Так ты встречаешь меня после возвращения с нижней земли, прекрасная Рахаат? Разве я не заслужил немного твоей ласки? Хотя бы во взгляде?

Я почувствовала, как к щекам приливает жар, и, глядя на Арона из-под опущенных ресниц, уже тише сказала:

– Я не знала, что ты вернулся из нижнего мира...

Прежде, чем Арон успел что-то сказать, я добавила:

– Но ни на миг не сомневалась, что вернешься героем.

Рука воина дернулась к огненному знаку на щеке, который, должно быть, все еще причиняет боль, поскольку нанесен недавно.

– Пустяки, – глухо ответил он, пожирая меня глазами.

Когда я непроизвольно подала грудь навстречу, шумно сглотнул и перевел взгляд в окно беседки. Это дало возможность в свою очередь рассмотреть его.

Мощные плечи, руки и грудь покрыты буграми мускулов. Распахнутый кожаный жилет и штаны с широким ремнем и пустыми ножнами подчеркивают точные, словно высеченные из скалы, линии. Кожа Арона ощутимо тронута солнцем. Копна волос, заплетенная в продольные косы вдоль черепа, пшеничного цвета. На фоне светлых волос небольшие золотые рога теряются. У тэна открытое лицо с высокими скулами и волевым подбородком, длинный прямой нос над широким ртом. Глаза у Арона темные, оттенок похож на мой, но если мои сапфировые, отсюда второе имя – Сафира, то у тэна подобны ночному небу с едва заметными вкраплениями звезд. Последний раз, когда мы виделись, мне было всего десять, и Арон казался самым воплощением могучего бога Митры – прекрасного, вечноюного, дарующего свет.

– Я вернусь, прекрасная принцесса, Рахаат Сафира! – пообещал Арон в тронном зале пять лет назад. – Вернусь героем, с огненным знаком на правой щеке. Вернусь и стану хозяином твоей жизни!

– Сын моего друга, Везероса Бесстрашного, и прекрасной тсари Медеи Светлой! – сказал тогда отец. – Мое положение позволяет дать тебе отеческий совет, который ты не сочтешь наставлением. Не стоит опрометчиво обещать, когда завет твой поистине невыполним. Коралловой Рахаат уже десять, через пять лет она готова будет назвать героя хозяином ее жизни. Ни одна из моих дочерей не обещана, потому что должны взойти на священный алтарь по своей воле. Я лишь ставлю одно условие – хозяином жизни моих дочерей станут воины с огненным знаком на лице! Ты же только собираешься спуститься на нижнюю землю. Пять лет – слишком короткий срок, чтобы получить столь великое звание. Что, если за эти пять лет Рахаат полюбит и возжелает возлечь на алтарь? Я не стану препятствовать дочери! Пока я тсар Бхукти-Джар, никто не воспрепятствует ее любви!

Я помню, что слушала речь отца, которого прозвали в народе Мудрым, затаив дыхание. Когда он сказал, что я могу полюбить, пока Арон не вернулся с нижней земли, я чуть было не закричала, что буду ждать светловолосого тэна столько, сколько понадобится. Я смолчала, но вместо меня говорили мои глаза и дрожащие губы. Мама, заметив мой трепет, сжала мою ладонь, одобряя выдержку и достоинство.

Но Арон, который слушал отца с почтением, склонив голову, упрямо заявил:

– Я справлюсь за пять лет, великий тсар. Я обещаю это пред богами, пред пери и тэнами!

– Вот тогда и вернемся к этому разговору, Арон, – серьезно ответил отец. – Я не хочу, чтобы ты думал, что я обещаю тебе дочь. Сердце Рахаат свободно для самой главной из добродетелей – для Любви.

– Я услышал тебя, великий тсар, – склонившись, сказал Арон. При этом он так посмотрел на меня, что в груди ухнуло и я готова была возвестить всему миру, что сердце пятой принцессы Бхукти-Джар, коралловой Рахаат Сафиры, отныне занято.

Но я промолчала, а наступившую тишину прорезал тонкий детский голосок

– А если Рахаат все же выйдет замуж, Арон выберет меня! – пропищала пятилетняя Лала со своего места и облизала крем от пирожного с верхней губы. Если бы мамина кожа не была красной от природы, готова поспорить, тсари-пери Бхукти-Джар покраснела бы с головы до ног в этот миг.

Тогда все засмеялись, а я опустила взгляд и не нашла в себе силы посмотреть на Арона до самого конца празднества.

И вот, он вернулся, когда все, даже малышка Лала, забыли о его обете. Все, кроме меня. Вернулся и заставляет разглядывать его с какой-то жадной нежностью. В то время как сам скрывается за непроницаемой маской и делает вид, что смотрит в окно.

– Ты смотришь на меня, Рахаат, – медленно сказал тэн, не поворачивая головы.

– Да, Арон, – ответила я. – Смотрю.

– Прости, что не отвечаю на твой взгляд, – выдохнул Арон. – Просто быть здесь, с тобой, наедине, чувствовать твой сладкий, манящий аромат, знать, что на ощупь твоя кожа нежнее

перышка, дивиться, как твоя прелестная головка носит эти тяжелые потоки рубиновых волос, видеть, как пульсирует едва заметная жилка на твоей шее, слышать, как ты дышишь и как часто стучит твое сердце... Это худшая из пыток, Рахаат.

Переведа враз сбившееся дыхание, я принялась поправлять складки на энтари.

– Я думала, ты совершенствовался в неких воинских заслугах, Арон, – пробормотала я срывающимся голосом. – Не знала, что эти пять лет ты посвятил поэзии.

Мне показалось, что беседка закачалась от хохота тэна. Укоризненно взглянув на меня, он проговорил:

– Да и ты, я смотрю, времени даром не теряла. Видать, оттачивала свой розовый язычок.

Мои щеки заалели, а Арон вновь отвернулся и пробормотал, что нельзя было нам видеться наедине.

– Но мы вовсе не одни, – запротестовала я. – Посмотри – здесь полно народа.

– Полно, – согласился он, не поворачиваясь. – Но они не видят нас. И все же, когда я с тобой, мне все равно, пусть бы на нас смотрела целая площадь, как сегодня в Святилище.

Воспоминание о ритуале Слияния пронзило тело огненной стрелой и я зажмурилась, с удивлением услышав, как из груди Арона прозвучал едва уловимый стон.

– Что ты делаешь, Рахаат? – низким голосом проговорил он. – Что ты делаешь со мной, пери Рахаат Сафира?

Я испуганно замолчала, опасаясь, что голос выдаст меня, как выдал сейчас Арона.

Какое-то время я пыталась привести дыхание в норму, а потом Арон заговорил.

– Я вернулся, сладкая Рахаат. Вернулся героем, как и обещал, и как того хотел твой отец. Ты помнишь обещание отца, Рахаат?

– Помню, – едва слышно ответили мои губы.

– Теперь тсар выслушает меня, ибо будет говорить с достойным. Но прежде, чем говорить с тсаром, я хотел говорить с тобой.

Мои колени подкосились от того, как он это сказал, а сознание затуманилось. Словно со стороны услышала я свой вопрос:

– Почему? Почему прежде со мной?

– Потому что хочу знать, имею ли я право вести тебя на красный алтарь? Потому что, если твое сердце занято, я не посмею просить об этой чести.

«Мое сердце занято! Тобой!» – чуть было не выпалила я в традициях малышки Лалы, но вовремя сдержалась. Вместо этого я произнесла срывающимся от волнения голосом:

– Мое сердце свободно... Арон.

Тэн обернулся так быстро, что я вжалась в стену. Глаза засветилось изнутри, словно внутрь попал солнечный свет. Взгляд прошелся по мне жадно и так нежно, что губы сами собой распахнулись, а из груди вырвалось потяжелевшее дыхание.

Меня сгребли в охапку и привлекли к себе с такой скоростью, что я едва ли успела понять, что произошло.

Ноющая грудь оказалась прижатой к твердой, как камень, горячей плоти, а к моему лицу приблизилось лицо воина.

Если на расстоянии я могла скользить взглядом по его чертам, подмечая их правильность и притягательность, то сейчас все расплылось единой пеленой, которая накрыла ощущением чего-то огромного и великолепного.

Колени ослабли и подогнулись, я испуганно пискнула, а Арон со стоном припал к моим губам.

Стоило мне ощутить их твердость и тепло, как огненная волна прокатилась по телу, заставив губы приоткрыться. Нежнейшее прикосновение, пронзившее тело, превратилось в яростное подчинение воли и разума. Горячий, словно само пламя, поцелуй, безжалостно сминал

губы, а когда в рот ворвался чужой язык, я застонала в голос от удовольствия, граничащего с болью.

Твердые пальцы смяли кожу на плечах, скользнули ниже, по рукам, и оказались на бедрах.

Не понимая, что делаю, я прильнула к воину ближе, и сквозь тонкую ткань энтари ощутила его горячую пульсацию.

Рука воина задрала энтари и скользнула внутрь шальвар. Горячая ладонь обожгла обнаженную кожу бедра. Пальцы воина сжались, придвигая меня ближе, и скользнули в самому сокровенному, начинавшему слабо пульсировать.

– Рахаат, – выдохнул над ухом воин и от его хриплого от страсти голоса закружилась голова. – Рахаат, как долго я ждал этого...

Палец воина слегка окунулся во влагу и тэн застонал в голос.

В следующий миг я с силой оттолкнула его, уперевшись ладонями в грудь.

Арон отступил, но смотрел на меня так, что казалось, еще секунда – и я закричу.

Меня останавливала мысль, что последствия для Арона могут оказаться ужасными. Гости и хозяева редко нарушают законы гостеприимства, но когда случается, это страшно. Я подумала, что первые же свидетели поймут намерения намерения по отношению ко мне, и Арона могут причислить к отверженным. К насильникам.

К счастью, потемневшим от страсти глазам тэна вернулось осмысленное выражение, и с глухим рычанием он отступил к противоположной стене беседки.

– Прости, пери, – сказал он глухо, словно сам не верил, что это возможно. – Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

Я опустила руку на грудь, стремясь быстрее привести дыхание придет в норму, и слабым голосом ответила:

– Мне не за что тебя прощать, Арон, но больше не надо... Так. Это нехорошо.

Волны обострившегося после Слияния сестры желания прокатывались по телу, отчего колени совсем ослабли и пришлось облокотиться о стену.

С виноватым видом Арон склонил голову и золотистые рога сверкнули в темноте полумесяцем.

– Я слишком спешу, любимая. Но, несравненная моя, тебе не стоит бояться меня. Никогда не стоит, – хрипло проговорил он.

– Я не боюсь, – заверила я его, поправляя дрожащими пальцами энтари на груди.

– Ты – пери, и ты – принцесса, – сказал он. – И я буду обращаться с тобой, как с принцессой. Верь мне, Рахаат. Я смогу сдерживать свою страсть.

– Я верю тебе и прощаю тебя, – глядя в его глаза, сказала я. – Я невинна, но даже я знаю, что сила моего желания такова, что ты не в силах противиться моему... запаху.

Арон промолчал.

Тишина длилась какое-то время, прежде, чем тэн заговорил снова. На этот раз взгляд его был ясен, и лишь расширившиеся от страсти зрачки говорили о железной воле воина, позволяющей тэну взять верх над своей природой.

– Моя спешка объясняется не только запахом твоего желания, – наконец, хрипло проговорил воин. – Я готов к страсти, Рахаат. Но я привез из нижнего мира тревожные известия. Они могут перевернуть привычный уклад жизни пери и тэнов, поставить под угрозу нашу безмятежность.

– Новости с нижней земли? – изумилась я. – Но как новости нижних могут поколебать Вершину мира?

Прежде, чем ответить, воин пожевал губами, словно взвешивал все за и против, перед тем, как посвятить меня. Наконец, он принял решение и заговорил.

– Из достоверного источника я получил известие, что готовится вторжение. Подобно тому, что случилось накануне Тысячелетней войны. Темные силы ждут, чтобы ворваться в мир и уничтожить его. Обратить жизнь в скорбь и крики невинных жертв.

– Но ведь Тысячелетняя война давно позади, – прошептала я едва слышно. – И длилась она тысячу лет только...

– Только благодаря тэнгериям, – закончил за меня Арон. – Благодаря силе ярости нашего народа. Демонической ярости.

– Но с тех пор, – пролепетала я. – С тех пор мы получили Прощение. Прощение Матери! Прощение богов и людей! Нам дарована вторая сущность! Тэны не пойдут на поводу у сил зла, они подвластны лишь сонму богов! А пери...

Я замолчала, чувствуя, как грудь вздымается от волнения, а к разуму подступает паника. Я хорошо знала, что творили предки во время Тысячелетней войны. От нас никогда не скрывалась история, а, чтобы не повторять былые ошибки, ее кровавые подробности никогда не приукрашивались. Каждая мелочь, каждая деталь – все есть в священных Книгах Скорби, обучать которым начинают с самого юного возраста.

Каждой пери, каждому тэну противно насилие на инстинктивном уровне.

И если наши воины, повинувшись приказам сильнейших, становятся прославленными героями прежде, чем взять жен, то это лишь для того, чтобы защищать свою семью и свой народ. Мы свято чтим законы богов и, особенно, заветы Матери.

Что касается пери, то нас с самого раннего детства воспитывают в нежности, в любви и чувственности, обучают изящным искусствам и науке дарить наслаждение. В этом наша защита: становясь зависимыми от священного семени господина, мы, как никто умеем получить то, что для нас – жизнь. Жизнь в прямом смысле. Что такое сражения, злость и жестокость, которые встречаются на нижней земле, мы знаем лишь понаслышке и слишком нежны, чтобы спуститься с Вершины мира и встретиться с ней лицом к лицу.

Но Арон, великолепный светловолосый тэн говорил страшные вещи. Страшные тем, что я чувствовала – он говорит правду.

– Ты права, несравненная Рахаат, – тихо сказал Арон, врываясь в мои смятенные мысли. – Тэны не пойдут на поводу зла, а пери, даже те, кто помнит Тысячелетнюю войну и заключение в бездне, смогут противиться своей демонической сущности, взывая к милости Матери.

– Хрустальная защита Бхукти-Джар, – пролепетала я. – Всего лишь пять лет назад отец настоял, чтобы Бхукти-Джар окутала паутина хрустальных коридоров, построенных из Слез богини. Он не скрывал, что слезы богини помогут пери противостоять злу даже в случае великой нужды. И вот этот день настал. Как отец оказался прав!

– Великого тсара не зря прозвали Мудрым, – почтительно сказал Арон, склоняя голову. – В Бхукти-Джар пери в безопасности. По вашему примеру остальные Джары принялись спешно возводить над своими землями хрустальные паутины. В некоторых строительство только начинается, в иных кипит полным ходом, а где-то подходит к концу.

– Значит, несмотря на тревожные новости о грядущем вторжении, здесь, на Вершине мира, мы в безопасности, – прошептала я и осеклась, увидев, как омрачились глаза Арона.

– Не совсем так, – уклончиво ответил он. – Прошу, несравненная, не спрашивай, откуда мне известно то, что поведал тебе, потому что я дал слово чести.

– Я не встану между тобой и твоей честью, – прошептала я, чувствуя, как глаза наполняются слезами, а внутренности сжимает ледяная лапа.

– Ты истинная пери, Рахаат Сафина, – серьезно сказал Арон и в груди потеплело от этих слов. – Но я скажу тебе главное. Говорят, у того, кто готовит вторжение, есть кое-что.

– Что же это? – вытаращив глаза, пролепетала я. – Что?

– Голос, – просто ответили мне, и картинка перед глазами накренилась вбок, а в ушах зазвенело. Приложив усилия, я зажмурилась и помотала головой, приводя себя в чувство, понимая, что должна услышать то, что говорил Арон.

– Голос Аридана, – сказал тэн.

Из груди вырвался крик, и я поспешно закрыла рот ладонями.

– Нет, – промычала я, мотая головой из стороны в сторону. – Нет! Не может быть! Ты говоришь ужасные вещи, Арон, но ведь у нас есть Мать! Она защитит своих детей.

Услышав об Анахите, Арон горько усмехнулся.

– Ты же знаешь, Рахаат, Мать мало интересуется земными вещами. Сытая после Слияния, она пребывает в сладостной дреме.

– Нет! – не желая в это верить, воскликнула я.

– Тише, Рахаат, – попросил Арон и добавил: – Это всего лишь слухи. Мы не должны верить всему. Надо просто быть настороже. Поэтому я спешил сюда. Меня влекла любовь, но и новости, что удалось добыть, слишком ценные. После пира я поговорю с твоим отцом и расскажу, что мне удалось узнать. А на пиру, приветствуя тсара и тсари, попрошу их согласия на наше Слияние.

– Арон, – прошептала я, почувствовав, как ледяная лапа, сжавшая внутренности, по одному разжимает пальцы.

– Рахаат, – сказал Арон и печально добавил. – Прости, что огорчил тебя. Но ты знаешь, наши семьи строятся на честности. Я должен был рассказать тебе.

– Я, – залепетала я, краснея. – Нет, ты не понял. Ты не расстроил меня. То есть, конечно, расстроил, да, не буду скрывать, я испугалась... Но только... Стоило тебе сказать сейчас, что вскоре, на пиру, перед всеми, попросишь разрешение родителей на наше Слияние, как я почувствовала, что страх покидает мое сердце. Я ощутила, что ты защитишь меня.

Говоря это, я чувствовала, как щеки пылают, словно к ним приложили угли, а дыхание перехватило от волнения.

– Мне, конечно, не следовало этого говорить, – пролепетала я, наконец, опуская взгляд и не в силах взглянуть на Арона.

Когда он не ответил, я все же подняла взгляд и увидела, как зрачки его глаз расширились настолько, что заняли всю радужку, отчего глаза стали бездонными.

– Рахаат, – вымолвил он. – Рахаат Сафира.

– Сестры, должно быть, хватились меня, – пролепетала я, опуская глаза.

Словно в подтверждение моих слов среди гула слившихся во единое мелодий, смеха, голосов пробился один, звонкий, который я отличила бы из тысячи.

– Рахаат! – прокричала Лала. Спустя несколько мгновений зов младшей принцессы подхватили слуги.

– Принцесса Рахаат! Принцесса Рахаат Сафира! Где вы?

– Мне пора, – пробормотала я, опуская ресницы, и, прежде, чем тэн успел ответить, выпорхнула из беседки.

– Лала! – позвала и через несколько мгновений увидела сестренку, которая успела сменить наряд.

Поверх прозрачных шальвар с разрезами от узких девичьих бедер струилась юбка, состоящая из нескольких полосок ткани. Аккуратный бра, расшитый жемчугом и бисером, с прозрачными рукавами с разрезами, открывающими плечи, довершает образ. У запястий рукава стянуты, кромка отделана жемчугом. Звонкие браслеты с бирюзовой крошкой и жемчугом разных размеров смотрятся единым целым с нарядом. Что касается остальных украшений, то Лала остановила выбор на нежном жемчуге и всех оттенках бирюзы, под цвет глаз. Рожки сестры кажутся чуть ли не васильковыми на фоне этого великолепия, а изящное ожерелье из

бирюзы, сапфиров и жемчуга дополняется тонким обручем с синими и бирюзовыми камнями, что подчеркивает белизну кожи.

– Ты – прекрасна, сестренка, – сказала я, взяв за руки и закружившись с ней на месте. – Ты – совершенство!

– Ты сейчас скажешь все, что угодно, – лукаво сверкнув бирюзовыми глазами, проговорила Лала. – Лишь бы никто не заметил, как ты, вопреки собственному наставлению идти во дворец, не задерживаясь, уединилась в беседке...

– Лала, – с упреком сказала я, понимая, что Арон, который все еще остается внутри, слышит каждое наше слово.

– С Ароном! – торжествуя закончила сестра, несмотря на мои нахмуренные брови.

– Нам пора, Лала, – как можно тверже сказала я и взяла сестру за руку.

– Ага! Попалась! – захихикала Лала, и, прищурившись, почти как взрослая, спросила: – Что, скажешь, не так? Скажешь, я не найду Арона в этой беседке, если зайду?

Отчаянно краснея я нагнулась к уху сестры и прошептала:

– А что ты скажешь, если я запущу руку в лиф твоего бра, и извлеку из него шелковые тряпки?

Лала тут же вспыхнула до корней волос и отшатнулась, словно я вот-вот приведу угрозу в исполнение.

Пролепетав что-то о том, что мне давно пора переодеться, она устремилась по аллее напрямик во дворец. Я хмыкнула, и бросив на прощание взгляд на темный проем окна, устремилась за сестрой. Прежде, чем переодеться самой, мне предстояло поймать Лалу и заставить ее извлечь то, чем она набила лиф.

Оказавшись в покоях, я отослала служанок и осталась в одиночестве. Те удалились сразу, не заподозрив ничего, зная, что пятая принцесса питает склонность к уединению.

Стоило двери хлопнуть от сквозняка, я закрыла лицо ладонями и опустилась на пол, прямо на пушистый ковер. Новости, которыми поделился Арон, тревожили и пугали. Я боялась страшного, боялась того, что видится тэнгериям в самых ужасных кошмарах.

– О, Анахита! – воззвала я, становясь на колени и простирая руки к статуе Матери, что застыла над бассейном посреди покоев. – Ведь ты не допустишь этого, правда? Не допустишь повторения ужасов Тысячелетней войны? Не позволишь крови твоих детей закипеть, услышав Голос?

То, что поведал Арон о вторжении потревожило, но не испугало. Известно, что силы зла не дремлют и мечтают ворваться в мир. Но сила Семерых сдерживает их, и пока боги сильнее, миру ничего не грозит. Поэтому стоило услышать о голосе Аримана, я чуть не утратила сознание от ужаса.

Голос – мощнейшее оружие мятежного бога Аримана, заключенного в бездну.

Его рог позволял управлять тэнгериями. Услышав его призыв, наша демоническая кровь закипала, превращаясь в раскаленную лаву.

Голос приказывал нам убивать, и мои предки убивали без пощады, не задумываясь, потому что рог Аримана властвует над нашей сутью.

Объединение сил Семерых позволило им обрести могущество. Боги одолели Аримана и сотни тысяч тэнгериев, заключив мятежного бога и мой народ в бездну. Чтобы отнять у Аримана власть над нами, боги изъяли его Голос и спрятали там, где никто не сможет его найти.

– Анахита! – воззвала я к Матери. – Что, если силам зла удалось найти Голос? Что будет с нами, с твоими детьми, если однажды услышим рог Аримана и это заставит нашу кровь закипеть? Ответь, Анахита! Ведь ты не допустишь, чтобы с твоими детьми случилась беда?

Статуя матери, выполненная из цельного куска коралла, излучала мерное, едва различимое слияние и оставалась безмолвной.

– Нет, – ответила я себе. – Ты – богиня, и ты мало интересуешься земными вещами. Сытая и безмятежная после Слияния, ты пребываешь в сладостной дреме.

Я услышала свои слова словно со стороны, и, опустившись на пятки, закрыла лицо ладонями и горько заплакала.

Только когда услышала бойкий перестук каблучков, вскопчила, как ошпаренная, не желая, чтобы Лала застала меня в таком виде.

Когда решившая забыть обиды сестренка ворвалась в мои покои, я уже поднялась и успела вытереть слезы. На счастье, то, что я так и не успела переодеться возмутило Лалу, и она не заметила моего заплаканного лица.

– Рахаат! – возмущенно завопила она. – Церемония поздравления вот-вот начнется! Отец с матерью скоро будут внизу, и если наше опоздание на ритуал Слияния прошел незамеченным, сейчас точно заметят! Ведь мы должны воссесть рядом с тронem! Ты теперь старшая, это ты должна торопить меня!

– Да, да, – пробормотала я. – Ты права, Лала, спасибо, что поторопила меня...

Лала подперла бока руками по-взрослому, и, фыркнув, топнула.

– Я так и знала, что прибытие Арона выведет тебя из равновесия. Не бойся, я никому не расскажу, что вы виделись в беседке, но тебе следует как можно быстрее переодеться. Иди пока, освежись в омывальной, а я, тем временем, подберу тебе достойный наряд. Я так и знала, что ты отошлешь всех служанок!

– Спасибо, Лала, – пробормотала я. – Я как-то не заметила, что ты выросла.

– Не совсем, – поджав губы, пробормотала Лала и с сожалением потеряла ладошками плоскую грудь. – Но все же я – женщина, и я – пери, чтобы понять, какое смятение, должно быть, испытывает сейчас моя любимая сестра.

Я благодарно кивнула Лале и унеслась в омывальную.

– Не бойся! Я не претендую на твоего Арона, – крикнула вслед сестренка. – Я для него и вправду слишком мала... К тому же, я видела, как он разглядывал тебя во время Слияния.

От этих слов мои колени ослабли, и, для того, чтобы совершить омывальные процедуры как можно быстрее, пришлось собрать в кулак всю волю.

Когда я, освеженная прохладной ароматной водой, кутаясь в легкую банную простыню, вернулась в опочивальню, Лала уносила ворох нарядов обратно в гардеробную, что значит, сестра сделала выбор, и поспорить с ним не удастся. Хотя бы потому, что церемония Поздравления вот-вот начнется, а я даже толком не вытерлась после омовения.

– Вот! – непререкаемым голосом сказала Лала, вернувшись. – Это лучше всего подойдет, чтобы очаровать Арона еще больше.

Вспомнив о случившемся в беседке, я усомнилась, что такое возможно, но осмотрела выбор сестры с интересом, в очередной раз вынужденная признать, что малышка Лала повзрослела.

Во дворце Лалу звали моим «хвостиком», потому что Келена в свои пять для нее слишком мала, как и Сирен в три с небольшим, а Латана с Ракшми, которые старше Лалы всего на три года, предпочитают придумывать шалости и проказы вместе, как это свойственно любым близнецам. Я же всегда любила одиночество, насколько это вообще возможно в такой огромной и шумной семье, как наша. Чаще всего меня можно найти в хранилище знаний, за очередным свитком Скорби или Наслаждения. Неудивительно, что Лала тянулась ко мне, а я была достаточно взрослой, по-крайней мере, хотелось в это верить, чтобы не отталкивать сестренку.

Для торжественной церемонии Лала выбрала мне наряд белого цвета, щедро расшитый сапфирами и лазуритом в цвет моих глаз. Быстро, почти молниеносно, я натянула прозрачное шелковое белье, а затем, с помощью сестры облачилась в белоснежное энтари, под которое полагались прозрачные белоснежные шальвары и гемлек, тонкая рубашка из той же ткани.

Расправив складки энтари на груди, Лала споро подпоясала меня синим пояском, подчеркнув и без того тонкую талию. Затем усадила на стул и помогла поднять волосы вверх, выпустив из толстого шара роскошный хвост. Мои волосы, как и мамины, темно-рубинового цвета. Учитывая сапфировый цвет глаз и коралловую кожу, из всех дочерей я больше остальных похожа на нее. У сестер глаза в основном зеленые, папины, за исключением Лалы, у которой они бирюзовые, и двух младшеньких, которым достался голубой и янтарный цвет.

– Ну вот! – гордо возвестила Лала. – Теперь ты готова!

Я бросила взгляд в зеркало и, к удовольствию, Лалы, улыбнулась.

Белоснежный наряд подчеркнул теплый коралловый цвет кожи, а узоры из драгоценных камней заставили сапфировые глаза засиять. Белые рожки и пряди в рубиновой копне волос тоже стали ярче, благодаря цвету костюма.

Поблагодарив сестренку поцелуем, я повлекла ее за собой, к выходу из покоев.

Спускаясь по лестницам, скользя по анфиладам и коридорам дворца, я думала только о том, что сегодня, на церемонии Поздравления тсарской семьи, принц Сухуби-Джар попросит родителей о новом Слиянии.

Глава 2

Мы все же успели перед родителями. Точнее, вошли, то есть вбежали прямо перед царской четой. Запыхавшись, уселись на подушки по другую сторону трона, напротив Ракшми с Латаной. Увидев нас, Ракшми облегченно выдохнула, а Латана наморщила носик.

Братья сидели в зале, на мягких скамьях вдоль стен, вместе с другими гостями. Тэны не сидят у трона, подобно пери.

Сыновья – гордость отца, но гордость эта исчисляется их воинскими заслугами, а не внешним видом, в то время, как дочери – украшение трона. Служанки с двумя младшими сестрами на коленях тоже сидели у подножия, ближе к выходу. Обычно, вскоре после начала они уходят и уносят малышей, ведь дети не умеют долго сидеть на месте.

Явилась царская чета, и все присутствующие, в том числе и мы с сестрами, склонились в почтительных поклонах. Я подумала, что мамочка просто невозможно красивая в темно-синем платье. А Лала, заметив складку между бровей отца хихикнула, все мы знаем, как папа не любит «всю эту дворцовую суету». Ракшми говорит, что если бы не мамочкина красота, отца было бы не затащить на приемы, и все мы знаем, что сестра права.

Когда папа с мамой поприветствовали всех, мы разогнулись и уселись поудобнее с прямыми спинами.

К трону стали приближаться могучие воины и прекрасные пери с поздравлениями в честь Слияния четвертой дочери. Сначала был черед сильнейших: принцев сопредельных Джаров с избранницами, могучих героев, заслуживших высший знак отличия: огненные письмена на лице.

Разыскивая глазами Арона, который должен подойти к трону одним из первых, я невольно залюбовалась нашим народом. Мужчины – средоточие силы и благородства, женщины – само воплощение красоты и изящества. Нежные пери, чей средний рост считается высоким у людей рядом с могучими воинами выглядят невыразимо хрупкими, с пышными формами, крутыми бедрами и длинными стройными ногами, с талиями такими тонкими, что мужчины запросто могут обхватить их ладонями.

Наконец, я заметила Арона и опустила ресницы. Больше я не поднимала взгляд, потому что знала, он неотрывно смотрит на меня.

Я украдкой посмотрела на отца и увидела, как он спрятал в уголке рта усмешку. Мама повернулась ко мне и незаметно подмигнула, что показало, что мы с Ароном рассекречены. Отец чуть улыбнулся и я поняла, что сегодня меня благословят на Слияние с тэном, который прочно укоренился в сердце.

Подошла очередь Арона, но заговорить он не успел.

Двери в тронный зал с грохотом распахнулись и в проеме застыла черная фигура.

Отчего-то все в груди болезненно сжалось, пришлось даже помотать головой, приходя в себя.

Тяжелая поступь вошедшего отдавалась уханьем в сердце и странным ощущением в животе.

Малышка Лала покосилась на меня с недоумением.

Я сама не понимала, что со мной.

Ноги неожиданно налились тяжестью и одновременно захотелось бежать из тронного зала, бежать без оглядки.

Тяжело ступая по разноцветной мозаике пола, через тронный зал шел огромный темно-кожий тэн с витыми золотыми рогами.

Черная грива волос убрана в косы, и, судя по их количеству, тэн одержал немало побед.

Благодаря вкраплению золотых, в тон рогов, прядей, его тяжелые косы кажутся змеями, чья кожа переливается под светом тысяч осветительных огней.

По мере того, как тэн приближался, горло сдавливало ледяной лапой, а в груди проседало сердце.

Мне показалось, что даже стены сотрясаются от его поступи, а становясь ближе, темнокожий тэн вот-вот заслонит свет.

Мой взгляд зачарованно заскользил по невероятных размеров мускулам, широкому развороту плеч, мощным рукам и ногам. Все тэны отличаются могучим телосложением, но этот даже среди остальных великан. Отчего-то я не могла заставить себя посмотреть на его лицо, и лишь, отругав себя мысленно за излишнюю впечатлительность, осмелилась поднять взгляд.

Хищные черты с застывшей маской ярости украшает высший огненный знак.

В знаках воинского отличия нет недостатка: огненные узоры покрывают рельефное тело тэна чуть ли не целиком, что говорит, что передо мной не простой воин, а один из правителей Вершины Мира.

Вглядевшись во властное лицо внимательнее, я охнула, когда узнала его: это был великий воин Ягат Свирепый, тсар земель под названием Блэр-Джар.

Отец приподнялся, приветствуя тсара Блэр-Джар, одного из немногих, кто стоял у истоков Тысячелетней войны. Глядя на словно высеченное из скалы мускулистое тело, встречая пронзительный цвет красно-огненных глаз я не могла поверить, что тэну более двух тысяч лет.

Отец, рожденный на исходе Тысячелетней войны, и всегда казавшийся самым взрослым и мудрым, чуть ли не вдвое моложе темнокожего исполина.

Ответив на приветствие отца, Ягат Свирепый заговорил. Голос его зазвучал громовыми раскатами, отражаясь от стен и потолка тронного зала.

– Я пришел приветствовать тебя, великий тсар, и твою прекрасную тсари. Я пришел поздравить вас со Слиянием четвертой принцессы. Но я опоздал к началу и не стоит нарушать порядок. Пусть сначала скажут те, кто собирались. Затем скажу я.

Арон, чья очередь была говорить, склонился перед тсаром в почтительном поклоне.

– Говори, великий воин Ягат Свирепый, прошедший Тысячелетнюю войну и бездну. Я с радостью уступаю тебе свою очередь, в знак уважения к твоим заслугам, которым нет числа.

Я подумала, что если Ягат Свирепый стоял у самых истоков Тысячелетней войны, то его заслуги должны сильно уступать прегрешениям. Помыслив так, я устыдилась, вспомнив, что Мать даровала прощение всему нашему народу и все участники Тысячелетней войны искупили вину.

Заметив, как благодарно отец кивнул Арону, я подумала, что сдержанность тэна порадовала его.

Ягат поблагодарил Арона кивком и заговорил.

– Я не умею долго и красиво говорить, как нынешние воины, – в голосе тэна прозвучала усмешка, мне даже показалось, что он не верит в то, что говорит, но тут же отогнала эту мысль, как недостойную.

Воин продолжал:

– Но я поздравляю тебя, тсар, и твою тсари, с великой благостью: Слиянием вашей четвертой дочери!

Я слышала о том, что есть среди тэнов иных Джаров есть те, кто считает тэнов выше, чем пери, такие никогда не разделят трон с женщиной. Я слышала также, что распознать их можно по одному признаку в разговоре: они всегда обращаются сначала к тэну, и только затем к пери. В нашем Джаре принято приветствовать сначала пери, из уважения к Матери Анахите, которая даровала женщинам-тэнгериям свою сущность.

Наставница искусства наслаждений любит повторять:

– Таким тэнам дай волю, и они поселят пери в отдельной половине дома, как принято кое-где на нижней земле. Там мужчины кутают женщин в немислимые одежды, скрывая их прелесть от глаз и избегают смотреть лишний раз из опасения, что не смогут держать под контролем свою страсть. Сдается мне, если бы не страх быть опозоренными своей слабостью, многие тэны Вершины мира поступали бы так же.

– Но разве великие воины чего-то боятся? – спросила однажды я. – Не на нижней земле, а наши? Тэны?

Наставница погладила меня по голове и ласково пояснила:

– Конечно, милая, все, даже могучие тэны, имеют свои страхи. Они боятся показать свою слабость и несдержанность, боятся быть отвергнутыми пери, но больше всего тэнгерии боятся услышать Голос. Потому что знают, есть сила, которой не смогут противостоять.

Стоило вспомнить о том, с каким страданием на лице наставница говорила о Голосе, мне стало зябко и я поежилась. Тычок Лалы вернул в реальность.

Я снова уставилась на могучего темнокожего тэна, за чьей спиной стоит Арон.

– Но я пришел не только для того, чтобы поздравить тебя со Слиянием дочери, Оридан, – сказал тсар Блэр-Джар. Грядет вторжение.

Стоило прозвучать последнему слову, как на тронный зал, и без того тихий, опустилась гробовая тишина. Все прислушивались к каждому слову Ягата Свирепого.

– Во главе темных сил встал тот, кто хочет вернуть былое.

Ягат говорил глухо, отстраненно, словно его это не касалось, но мне подумалось, что не слышу в его голосе ни скорби, ни сожаления.

– Вторжение невозможно. Мы все подчиняемся сонму Семерых, – сказал отец, нахмурившись, и добавил: – И ты, Ягат.

– Да, – согласился тэн. – Но у того, кто поведет тьму, есть Голос.

В наступившей тишине было слышно, как каплет из чьего-то опрокинутого кубка.

Кап. Кап. Кап.

Мне показалось, что с капелью утекают последние капли привычной, безмятежной жизни, всего, что любила и единственного, что знала.

– Ты говоришь...

– О роге Аримана, – закончил за отца тэн и глаза его сверкнули огнем.

Пери и юные тэны иногда развлекаются страшными сказками на ночь, и мы с сестрами не исключение. Чаще всего сестры веселились, пугая впечатлительную Ракшми, но и у меня не раз сжималось сердце, когда говорили о таких, кто жалеет об окончании Тысячелетней войны и жаждет снова услышать Голос, который придет, чтобы повести нас за собой и завершить некогда начатое. Несмотря на детские страхи, до этого момента мне казалось, что все это не более, чем рассказы. Но сейчас, глядя на темнокожего гиганта с огненно-золотыми рогами, в душе впервые шевельнулось сомнение в том, что наш народ до конца искупил вину и заслужил Прощение.

– Боги спрятали рог, – наконец, сказал отец. – Там, где темные силы его не найдут.

– Но если это правда, – возразил Ягат. – Нам нужно быть готовыми. К противостоянию.

– Это правда, – согласился отец.

– Поэтому я и пришел к тебе, Оридан Мудрый. Нам следует объединить силы. Вместе мы сможем противостоять.

– Мой меч – твой меч, – возвестил тсар. – Под могучей силой небес обещаю, что, если вторжение случится, мы будем стоять плечом к плечу. Слово воина.

– Этого недостаточно, – сказал Ягат, и мне было видно, как один из братьев вскочил с места.

Сердце екнуло, но брата тут же усадили обратно. Любой другой сейчас же искупил бы оскорбление, нанесенное моему отцу. Но Ягат был старше. Его Джар – один из сильнейших на

Вершине Мира. И, может, с отцом они были на равных, но воин, стоявший у истоков Тысячелетней войны, обладает более весомым положением. Его слово главнее, и поэтому отец остался сидеть. Лишь по зеленым огонькам глаз всем было понятно, что слова Ягата оскорбили его, великого воина, давшего Слово.

– Чего же ты хочешь, Ягат? – спросил отец.

Тэн ответил:

– Я хочу скрепить наш союз Слиянием, – ответил тсар Блэр-Джар.

Я вспомнила слова отца о том, что ни одна из его дочерей не обещана и не будет, и взойдет на священный алтарь лишь по любви. Но одновременно и понимала, что угроза вторжения – не тот случай, когда можно торговаться. Видимо, так считал и отец, потому что сказал:

– Это справедливо.

Голова закружилась и Лала, почувствовав, что со мной неладно, сжала мою руку. Я слабо улыбнулась сестре, показывая, что я в порядке.

– Ты хочешь, чтобы я пообещал одну из своих дочерей? – спросил отец.

Ягат свирепый помотал головой, и, прежде чем отец успел что-то сказать, произнес:

– Я пришел за коралловой Рахаат. Пятой принцессой, Рахаат Сафирой.

Я успела заметить, как судорога пробежала по лицу Арона, прежде, чем перед глазами встала пелена.

– Силою небес! – прозвучал грозный голос, и я с удивлением поняла, что не потеряла сознание.

Арон сделал шаг вперед, но Ягат не шелохнулся и не повернул головы. Отец жестом оставил Арона на месте, запретив ему говорить.

Я видела боль в глазах светловолосого воина, видела, как отчаянно бьется внутри него желание нарушить устоявшиеся устои.

Но глубинное подчинение Силе побелило.

Арон остался стоять на месте. Не заговорил.

Только не сводил с меня глаз, отчего по коже бегали мурашки.

Медленно, как в кошмарном сне, Ягат Свирепый повернул голову в мою сторону.

Когда его огненный взгляд встретился с моим, я испуганно отшатнулась. Казалось, меня прожгли насквозь, поставив на мне знак своей собственности, как на рабах нижней земли.

Ягат разглядывал не спеша.

Взгляд скользил по лицу, щекам, задержался на губах, отчего они словно налились изнутри огнем. При этом сердце до боли сдавило холодом, и я ощутила, как меня трясет. Ягат скользнул взглядом по подбородку, шее, задержался на ложбинке между ключицами, перешел на грудь...

Я впервые почувствовала себя неуютно в традиционном костюме Бхукти-Джар, призванном воспламенять в мужчинах чувственность и услаждать взор. Наряд, что еще недавно казался воплощением изящества и красоты, как нельзя лучше подчеркивающий округлости и изгибы моего тела, сейчас словно предавал меня, выставляя на обозрение врагу.

А в том, что Ягат Свирепый, который явился в дом моего отца, чтобы украсть из-под носа у любимого, был моим врагом, я не сомневалась.

Ягат разглядывал долго, я успела похолодеть от страха, превратившись в неподвижную статую. При этом казалось, что бьюсь в паутине, и каждое неловкое движение усугубляет плен.

Тонкие губы Ягата, у которых пролегла жесткая складка, раздвинулись в усмешке.

– Силою небес, – повторил он.

Я затравленно посмотрела на отца и увидела в глазах могучего тсара отчаянье.

Тут же ужас перед Ягатом отодвинулся на задний план, потому что страх за отца был сильнее. Как истинная тсарская дочь я не могла позволить, чтобы отец уронил лицо в присут-

ствии надменного Ягата. Поэтому приложила все силы, чтобы ободряюще улыбнуться родителям, словно тсар Блэр-Джар только что озвучил мое самое потаенное желание.

Я прочла в глазах отца благодарность, а сапфировые очи матери заблестели.

Когда тсар Бхукти-Джар повернулся к гостю, он успел взять себя в руки, за что я ощутила гордость.

– Для кого из своих сыновей ты хочешь взять мою дочь? – глухо спросил отец.

Ягат коротко и зло усмехнулся.

– Я хочу ее для себя, – ответил он.

В ушах зазвенело. Сестры заахали, прикрывая рты руками, а мама откинулась на спинку трона. Когда отец заговорил снова, голос его был глух.

– Но ты женат, Ягат, – сказал он.

Я ошарашенно хлопала ресницами, переводила взгляд с одного на другого, на маму, на сестер, я даже бросала умоляющие взгляды на Арона, не в силах поверить, что то, что слышала, было правдой.

– Да, Оридан, – не стал спорить Ягат. – Я женат. Твоя дочь войдет в мой дом наложницей. Наступившую тишину прорезал рев отца.

– Дочь тсара?! – вскричал отец, привставая на троне. – Наложницей!

Вместо ответа Ягат снова повернулся ко мне и внутри все заледенело.

Я не в силах была отвести взгляда от его огненных глаз, чувствуя, как меня поглощает сама бездна.

Все происходившее казалось чем-то нереальным, каким-то кошмарным сном, который вскоре излечится пробуждением.

Я усиленно моргала, щипала себя за руку, чтобы проснуться, но ничего не менялось, и я понимала, что все это происходит наяву.

Под взглядом Ягата захотелось завывать, заскулить в голос, хотелось бежать со всех ног из тронного зала, или же забраться на колени к отцу, как маленькая, чтобы папа обнял и защитил от всего мира.

Хотелось, чтобы Арон превозмог глубинное подчинение Силе, чтобы вышел вперед и вызвал тэна, кто задумал обесчестить меня, на поединок. Чтобы сразил его прямо здесь, у трона моих родителей. Но ничего этого не происходило.

Вместо этого по мне вновь скользил взгляд Ягата и был до того тяжелым, что глаза мои остекленели, а губы беспомощно приоткрылись.

– Да, – спокойно сказал Ягат. – Я хочу ее. И я выбрал ее. Сегодня я заберу ее в Блэр-Джар. Роковые слова прозвучали.

Я поняла, что моя жизнь рухнула.

У меня не будет торжественного Слияния на священном алтаре, на глазах у всей площади.

Так берут только жен.

Меня опозорят, взяв как наложницу, как рабыню из нижнего мира. Возьмут за стенами, под потолком, заслоняющим небо. И мое первое Слияние не увидит Мать. Оно не достанется ей, оно будет принадлежать этом страшному темному гиганту, с до того тяжелым взглядом, что внутри все трясется. Мое тело и разум не пронзит восторг, который способна даровать лишь Мать. Моя любовь не будет священной, не будет живительной.

Я осознала, что это конец моего мира.

Ни для кого на Вершине Мира не секрет, как наш народ, народ тэнгериев чтит заветы Матери. Я знала, что есть среди воинов такие, кто под эгидой заветов богини, из того, что падает жене, берет в дом наложниц.

Такого не принято в Бхукти-Джар.

Для наших воинов главная добродетель – сдержанность.

Но я знала, что на Вершине Мира есть другие Джары, с другими порядками и традициями.

И отныне мне суждено познать это на себе.

Если смогу пережить позор.

– Моя дочь не может покинуть Бхукти-Джар, – сказал отец, и из груди вырвался стон, когда я поняла, что для меня забрезжила надежда. – Если угроза вторжения существует, ей нельзя покидать пределов хрустального купола. Ты знаешь, Ягат. Слезы богини сильны в единстве.

Мне показалось, что сердце забилося так гулко, что его стук слышат все в зале.

Ягат обернулся к отцу.

– Твоя дочь, Оридан, дочь сильнейшего и прекраснейшей. Боги щедро наградили тебя дочерьми и сделали самым влиятельным из нас, ведь все правители хотят породниться с тобой. Я выбрал спутницу еще во время Тысячелетней войны. Я достаточно силен, и Блэр— Джар достаточно богат, чтобы не искать ни с кем союза. Но грядет вторжение. И я хочу твою дочь. Рахаат – ценнейшая награда для любого воина, и хоть она войдет в мой дом наложницей, ее будут чтить. Ты знаешь, что твои дочери не только прекрасны, но и сильны, что важно, учитывая грядущую тьму. Рахаат сможет противостоять Голосу, Оридан. Ей хватит для этого амулета из слезы и собственной силы.

– Нет, – сказал отец и я почувствовала, что слезы облегчения вот-вот хлынут из глаз.

Бессилие в глазах Арона сменилось ожиданием. Я видела, что он ждет, чтобы отец сказал, что я была обещана ему. Это решило бы все наши беды, – читалось в его взгляде. Но я, как и Арон, знала, что этого не произойдет. Великий тсар не опорочит себя ложью.

И в то же время отец сказал «нет».

Красные глаза Ягата полыхнули яростью.

Надменное выражение лица сменилось свирепым, но лишь на миг. В следующее мгновение огню в глазах тэна вернулась холодность, а лицо стало еще более отстраненным.

– Ты сказал мне нет, Оридан? – тихо сказал Ягат.

– Я сказал нет, Ягат, – повторил отец, вставая с трона.

– Что ж, – сказал Ягат. – Тогда я напомню тебе обещание, данное мне в Тысячелетней войне. Я надеюсь, десять веков в бездне не повлияли на твою память?

Отец застыл, плечи его поникли, брови поползли вверх, образовывая складки на лбу. И великий тсар снова опустился на трон.

– Я помню каждое слово своей клятвы, – сказал он, хмурия брови.

– Да, – подтвердил Ягат. – Клятвы.

– Все, что мое – твое, – глухо сказал отец.

– Я принял твою клятву, Оридан, – сказал Ягат. – И я освобожу тебя от нее. В обмен на пятую дочь.

– Я согласна, папа! – выкрикнула я, прежде, чем успела понять, что произошло. – Я поеду в Блэр-Джар!

Ягат торжествующе усмехнулся.

– Твоя дочь мудра, Оридан. И сильнее, чем кажется. Это драгоценный дар. И отныне я освобождаю тебя от клятвы, и даю Слово: в предстоящей войне мы будем стоять плечо к плечу.

Отец кивнул, и поскольку все ждали его слова, возвестил:

– Да будет так.

– Путь нам предстоит неблизкий, – сказал Ягат. – Поэтому мы не можем воспользоваться твоим гостеприимством и задерживаться в твоём доме на ночь. Пойдем, принцесса Рахаат. Нам нужно успеть покинуть Бхукти-Джар до полуночи.

Глава 3

Только что у меня было все: дом, любящие родные, статус пятой принцессы великого тсара.

И любимый, который должен был просить отца о чести Слияния со мной.

Который сам, в силу своей добродетели и благородства, уступил место говорить другому.

И тот, другой, сказал.

И теперь я – бесправная наложница, без имени и дома. Недостойная, чтобы ее взяли в Святилище богини. Мое первое Слияние пройдет за закрытыми дверями, как у служанки или рабыни. Или... У наложницы. Этот страшный темнокожий тэн с огненными глазами и рогами, кому две тысячи лет отроду – мой хозяин.

И мой хозяин приказало мне встать и следовать за ним.

Я попыталась привстать с расшитых золотом подушек, обитых красным бархатом, но ноги отчего-то ослабли. Я хотела сказать об этом сестрам, маме, отцу, но не вышло. Рот не открылся.

Я затравленно заозиралась и встретила взглядом с Ароном.

В глазах любимого застыла боль.

Я поняла, он пытается сорвать с себя оковы, обрекающие на подчинение Силе, но ни одному тэну это не по силам. И поэтому он застыл горестной статуей, вынужденный смотреть, как его любимую уведет другой.

Ягат выжидающе посмотрел на меня, и я подумала, что если он поторопит меня, скажет родителям, что те плохо воспитали дочь, я не вынесу этого позора.

Как в кошмарном сне, я поднялась на слабых ногах и склонилась перед своим хозяином.

Ягат, словно не видел моего поклона, развернулся и направился к выходу из тронного зала.

Я в последний раз посмотрела на родителей, на сестер, на Арона...

И, не говоря ни слова, пошла за Ягатом.

Мы миновали несколько коридоров и анфилад.

Слуги, встречающиеся нам по пути, склонялись в поклонах перед великим тсаром и с изумлением провожали взглядами свою принцессу. Коралловую Рахаат Сафиру, покорно следовавшую за правителем далекого тсарства.

– Рахаат! Рахаат! – прозвучало сзади.

Замерев на месте, я продолжила путь, не обернувшись к Лале, чьи торопливые шаги раздаются за спиной.

– Ты не можешь так уехать, Рахаат! Не можешь! – прокричала Лала со слезами в голосе. Не в силах выносить эту муку я обернулась.

Сестра замерла со сморщенным, заплаканным личиком, протягивая ко мне руки.

– Рахаат! – воскликнула она. – Пожалуйста! Не бросай меня!

Лала умоляюще сложила руки и упала на колени, словно молит о милости богиню.

Из груди вырвался протяжный стон, и, развернувшись, я побежала назад.

Упав на колени перед Лалой, я с размаху притянула хрупкую фигурку к себе, зарылась лицом в ее волосы. Какое-то время мы обе сотрясались от рыданий. Я первая взяла себя в руки, отстранилась от плачущей сестры и с опаской обернулась.

Ягат замер, так и не повернувшись к нам. Скрестив руки на груди, широко расставив ноги, он стоял и смотрел перед собой.

– Тише, Лала, – попросила я. – Тише, милая. Не рви сердце мне и себе. Пожалуйста...

– Отец не мог отдать тебя этому злему! – с детской непосредственностью проговорила Лала, а я подумала, что Ягат, хоть и стоит на отдалении, слышит каждое слово.

– Лала, – упрекнула я сестру.

– Не мог, не мог! – замотала та головой, повторяя. – Ты не можешь быть наложницей, Рахаат! Это позор! Ты – дочь великого тсара, принцесса Бхукти-Джар!

– Была, – поправила я сестру глухим голосом. – Теперь я наложница.

– Это не значит, что ты перестала быть принцессой! – воскликнула сестра.

Оглянувшись на Ягата, я увидела, что его плечи дрогнули, словно воин сдерживает смех. Правда, разглядывая его в тронном зале, мне вовсе не показалось, что он умеет смеяться.

– Ты – принцесса! – сердито повторила сестра. – Помни об этом!

– Хорошо, Лала, – проговорила я. – Обещаю.

– Зато теперь ты сможешь пройти Слияние с Ароном, – неудачно пошутила я сквозь слезы.

У Лалы шутка вызвала новую волну рыданий. Переведя дыхание, она прошептала:

– Арон покинул тронный зала передо мной, Рахаат. Если четко, я думала, догоню тебя и увижу, как они бьются на поединке.

– Арон не может даже бросить вызов Ягату, – печально сказал я. – Слишком разный у них уровень силы.

– Я понимаю, что я, маленькая что ли, – вздохнула сестренка.

– Мне пора, Лала, – сказала я и расцеловала сестру. – Пожалуйста, береги себя. Слушайся Латану и Ракшми, теперь они старшие. Заботься о младших.

– Я буду писать тебе, – серьезно сказала сестра. – Наши птицы самые быстрые на Вершине мира.

– Я тоже буду писать тебе, – пообещала я, а про себя подумала, что если будет на то воля господина. Но вслух говорить этого не стала.

Поцеловав сестру в последний раз, я поднялась с колен, и, оправив энтари, двинулась навстречу своей судьбе.

Ягат стоял на том же месте, не шелохнувшись. Но стоило приблизиться на несколько шагов, снова двинулся вперед.

Оказалось, на выходе из дворца нас ждали.

Лингер, крытая повозка черного цвета распахнула дверцу, стоило нам приблизиться. Я успела заметить, что в повозку запряжены четыре титанозавра. Редкие и дорогие животные, являющие среднее между лошадьё и небольшим слоном, отсюда и соответствующие размеры, только на шести лапах. Сходство со слоном придают еще два подвижных хобота под шестью парами глаз

Я знала, что такие звери стоят целое состояние, как знала и то, что Блэр-Джар – один из самых могущественных тсарств Вершины Мира. Хоть он и расположен обособленно, на отдельном пике, о богатстве Блэр-Джар ходят легенды.

Ягат впервые после тронного зала обернулся ко мне. Его огненный взгляд не выражал ничего, но у меня внутри все похолодело и пришлось с силой сжать зубы, чтобы скрыть дрожь.

Складка у рта тэна стала жестче. Он махнул в сторону лингера рукой и приказал:

– Садись. Нам предстоит далекий путь.

Я осталась стоять, но промолчала, потому что знала, пока не спросит господин, говорить не имею права.

– Ты слышала, что я сказал? Садись в лингер, принцесса.

Я застыла на месте, склонив голову.

– Ты что-то хочешь сказать?

– Да, – ответила я.

Жесткая складка пролегла глубже, и Ягат сказал:

– Ты должна отвечать: «Да, господин».

– Да... господин, – исправилась я, чудом вымолвив слово, которого ни разу не произносила.

– На первый раз я прощаю тебя и оставлю безнаказанной. Но только на первый раз.

Тэн замолчал, видимо, ожидая от меня благодарности. Но я не смогла заставить себя униженно благодарить его.

Тогда тэн усмехнулся и произнес:

– Похоже, путь нам предстоит еще более увлекательный, чем я ожидал. Укрощение строптивых – изысканное удовольствие. А укрощение строптивой принцессы – вдвойне. Ну же. Я приказываю тебе говорить.

Сглотнув, я произнесла:

– Я не могу сесть в этот лингер... господин.

– Интересно знать, почему?

Я снова сглотнула, прежде, чем говорить.

– Я принцесса, я не могу ехать так... Без вещей, без слуг, без свиты, наконец! Мой отец должен назначить мне сопровождение, а слуги – собрать мои вещи. Мне не полагается путешествовать вот так, господин.

Пока я говорила, Ягат слушал с задумчивым видом. А потом сделал едва заметный шаг навстречу, что заставило меня отпрянуть.

Ягат шагнул ко мне и я, как зачарованная уставилась на ходящие под покрытой узорами кожей бугры мускулов. С силой оторвав взгляд от этой мощи и столь наглядной демонстрации силы, я посмотрела в глаза воину.

Тот слегка облизал пересохшие губы.

– Ты больше не принцесса, – сказал он глухо. – Ты – моя. Моя наложница.

От этих слов все внутри сжалось, а в глазах предательски зашипало. Но я не могла показывать свою слабость этому страшному, чужому тэну, кто являлся теперь моим господином и владел мной по праву сильнейшего.

Поэтому я поговорила тихим голосом:

– От того, что ты сделал меня наложницей, я не перестала быть принцессой. Пятой дочерью великого тсара и прекрасной тсари, Оридана Мудрого и Астарты Огненной, я...

Мне не дали договорить.

Медленным, осторожным движением Ягат отвел рубиновый локон, выбившийся из моей прически, за плечо. Прикосновение руки тэна обожгло и заставило вздрогнуть.

А затем железные пальцы сомкнулись вокруг плеча и силой зашвырнули внутрь лингера, на обитые черным бархатом подушки. Я охнула, не в силах поверить в происходящее.

Тэн вскочил следом и сиденье подо мной закачалось. Стоило дверце захлопнуться, лингер тронулся с места.

Так же, рывком, меня посадили.

Глаза Ягата полыхнули пламенем, я испуганно отшатнулась, но тэн держал крепко.

Приблизив свое лицо к моему, тэн сказал:

– В первую очередь, ты моя наложница. Моя собственность. Ты поняла меня?

Он приблизился еще больше, так, что лицо его расплылось, а огонь из глаз просочился в самую душу. Ощувив тепло его губ у своих, я зажмурилась и выпалила:

– Да, господин, поняла!

Меня отбросили, как ненужную вещь, на мягкое сиденье, и я тяжело задышала, чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Ягат занял место напротив и не сводил с меня тяжелого взгляда.

Я постаралась унять дрожь, чтобы не выдавать, в каком смятении нахожусь и как напугана. А боялась этого гиганта с темной кожей и золотыми рогами просто до дрожи, до ужаса,

до слез, которые готовы были сорваться из-под опущенных ресниц. Я отползла назад и села, выпрямив спину, чувствуя за собой мягкую спинку сиденья.

– Так-то лучше, наложница, – бросили мне.

Ягат замолчал, я от страха перед могучим тэном едва ли могла говорить. Я подумала, хорошо, что он молчит, есть время прийти в себя и постараться свыкнуться с произошедшим. Но тут Ягат заговорил снова.

– У нас нет времени ждать, – сказал он. – Твои вещи пришлют из твоего дворца позже. Как и свиту. Хотя в последнем я сомневаюсь.

– Почему? – пискнула я, и, когда тэн яростно сверкнул глазами, поспешила исправиться: – Почему, господин?

По суровому лицу тэна, явно непривыкшего улыбаться, скользнула скупая ухмылка.

– Потому что Блэр-Джар правит сильнейший, – ответил он.

Я продолжила хлопать ресницами, и тэн пояснил.

– Блэр-Джар очень отличается от всего, к чему ты привыкла, принцесса. В моем царстве принято гордиться кровью тэнгериев. Кровью демонов.

Я вздрогнула, не в силах поверить в то, что он произносит все эти вещи вслух, а Ягат продолжил:

– Тебе предстоит многое узнать, принцесса. Ты росла, лелеемая всеми, родителями и слугами и невинна, подобно цветку. И также юна. В Бхукти-Джар женщины чуть ли не равны мужчинам.

Я захлопала ресницами.

– Почему ты так говоришь? – воскликнула я, и, когда глаза тэна полыхнули огнем, вжалась в спинку сиденья и добавила: – Все создания Матери равны между собой, господин.

Тот прищурился и брезгливо пожал плечами.

– Да уж, равны. У вас. Если женщин даже сажают на трон рядом с собой.

Наверно, мой взгляд выражал недоумение, потому что Ягат пояснил:

– Когда-то мы и вправду были равны между собой. Во время Тысячелетней войны.

Я вздрогнула, услышав о страшном, а Ягат, казалось, не заметил этого и продолжал.

– Тогда женщины ни в чем не уступали нам. Яростные воительницы, способные убивать десятками, сотнями! Мы все были тэнгериями! Демонами. Теми, чья кровь – сама ярость. Чья сущность – желание убивать. Я вижу, как кривится твое лицо, юная пери. Но это наша суть. Суть тэнгериев, рожденных самой вечностью, безднорожденных! Твоя истинная суть. А не эта... новая сущность пери.

Он осмотрел меня снова, властно, по-хозяйски, и так надменно, что я вспыхнула.

– А я думала, тебе нужна именно эта моя сущность. Сущность пери! – выпалила я, и, поняв, что сказала, торопливо закрыла рот ладонью.

Я не поняла, как это произошло, я не заметила, чтобы Ягат двинулся или хотя бы наклонился вперед, приближаясь ко мне, но в следующий миг оказалась у него на коленях. Железная рука прижимала меня к мощной мускулистой груди, так, что я чувствовала каждый удар сердца воина.

– Вот как, наложница? Значит, ты из тех, кому невтерпеж? – пророкотал он и провел горячим пальцем по моим губам.

Я дернулась, как птица в силке, и, как несчастная певунья, попавшаяся в ловушку, только навредила себе этим.

Меня сжали еще сильнее, до боли, до хруста в костях, так, что я не смогла сдержать стоны.

– Пожалуйста, – попросила я. – Пусти... Ты задушишь меня, господин. Останутся синяки.

Ягат хмыкнул и ослабил хватку. Мое тело сжалось пружиной, готовое распрямиться и вырваться из удушающих объятий в любой момент, но в следующий миг меня опрокинули тычком в грудь, и я оказалась упала навзничь на колени воина. Голова беспомощно запрокинулась.

Огромная рука властным жестом сжала основание шеи и Ягат заговорил снова.

– Ты дерзка, как истинная принцесса. Но отныне ты – никто. Запомни это.

– Пусти, – прошептала я, не в силах пошевелиться. – Ты не можешь так говорить и так поступать со мной. Я принцесса! Я дочь тсара! Дочь великого тэна!

Пальцы Ягата сжали шею сильнее. Когда он заговорил, голос звучал тихо, но мне показалось, что это оттого, что сдерживает ярость.

– Лежи смиренно, наложница.

Его рука соскользнула ниже и легла на грудь. Когда ладонь его наполнилась, у меня внутри что-то оборвалось.

Я дернулась, трепыхаясь, из груди вырвался короткий стон.

– Нет! – воскликнула я, мотая головой.

Небрежно, словно треплет собаку, тэн ласкал мою грудь. А потом железные пальцы сомкнулись на соске и сжали.

Я вскрикнула от неожиданной боли.

Но чем больше я билась в его жестоких руках, тем сильнее он сжимал пальцы.

– Никогда не говори мне нет, – сказал Ягат, и я замерла, такой ледяной яростью повеяло от его слов.

– Пожалуйста, не надо, – заплакала я. – Мне больно.

– У тебя совершенная кожа, – задумчиво сказал Ягат.

Он ослабил нажатие, но пальцы оставались на месте и потому я лежала, застыв, боясь пошевелиться, только слезы бессилия продолжали катиться из глаз. Мне показалось даже, что слышу, как они стучат о пол.

Тэн тем временем продолжал. Он говорил тихо, спокойно, как будто даже отстраненно, словно говорил не со мной, или словно я была неодушевленным предметом... вещью.

– Не хочется ее повредить. Твою кожу.

При этом вторая рука его легла на вторую грудь и тоже вцепилась в сосок, пронзив тело еще одной волной боли. Он задумчиво покручивал их, словно раздумывал, что делать, не прерывая речь.

– Но если тебе так дорога эта твоя сущность пери, которую, как подачку, бросила безднорожденным Анахита, будь ей. Будь слабой, трусливой, сладостной. Будь наложницей. Мда... мне придется придумать, как наказывать тебя, чтобы не оставалось следов на коже.

Он говорил тихо, и я старалась уловить каждое слово, словно от этого зависела моя жизнь. Наверно, поэтому я упустила момент, когда его безжалостные пальцы прекратили терзать мою грудь. Но в следующий миг я вскрикнула, когда он рванул ворот энтари. Послышался треск нижней рубашки, и горячие пальцы воина по-хозяйски прошлись сверху вниз по полоске оголившейся кожи.

Я задрожала от унижения, но было в этой дрожи что-то новое.

Я впервые ощутила гнев.

Горячая ладонь прошла по груди, потербила распухшие и оттого чувствительные до боли соски.

Я застонала от унижения.

Сегодня я оттолкнула от себя Арона, когда он ласкал меня, и тело пронзало сладкими судорогами. Оттолкнула, потому что я принцесса, дочь великого тсара, и со мной нельзя обращаться так. Мои первые ласки, первое Слияние принадлежит Анахите, и тот, кто ласкает пери украдкой, ворует у Матери.

Но каждое прикосновение Ягата было исполнено властности и уверенности. Его пальцы спустились вниз, распахивая энтари и разрывая нежную ткань гемлек. Он надавил на низ живота, и к своему стыду, ощутила, как место между бедер потеплело. Когда рука его скользнула под энтари и приспустила шальвары, я заплакала, задержалась, стала умолять прекратить.

Тэн вынул руку из-под одеяния и подняв голову за волосы, шлепнул меня по щеке.

При этом не сказал ни слова и я онемела от ужаса, видя, что огненные глаза тэна налились багряным светом. Сейчас он был похож на устрашающую картинку из свитка Скорби, это был истинный демон, порождение бездны.

Я зажмурилась и кожей ощутила, что он усмехается.

Лингер трянуло на повороте, и моя голова снова безвольно запрокинулась назад, потому что тэн больше не держал за волосы.

Его рука снова скользнула под энтари и потянула полоску шальвар. Следующим движением он стянул с меня белье.

Пальцы его прощлись по гладкому холмику, отчего я задрожала, не веря, что тэн осмелился касаться меня там. В следующий миг его пальцы раздвинули складки и оказались на самом чувствительном месте. Влажном, к моему стыду и невероятно чувствительном.

Я вздрогнула, попыталась вырваться, но он удержал меня без труда свободной рукой, а пальцами другой принялся поглаживать влажный бугорок

– Истинная пери, – прошептал он, словно удивился чему-то. – Влажная и горячая, как течная сучка.

Его поглаживания становились настойчивее. Легкими движениями он теребил потаенное местечко, и тело мое начало выгибаться в его руках.

– Истинная пери, – повторил он.

К своему стыду и унижению, я ощущала, как тело, одна за одной, пронзают огненные стрелы. Между ног горело, нарастало томление и страстное желание освободиться от чего-то.

Наконец, я выгнулась дугой и застонала.

В следующий момент меня отбросили от себя, впечатав в мягкую спинку противоположного сиденья. Пальцы мои тут же заскользили по обрывкам ткани на груди, в попытке прикрыть обнажившуюся грудь.

Я не осмелилась поднять взгляд на Ягата, и не столько из-за позора, сколько из-за того, что боялась, что взгляд все еще затуманен от страсти, к которой меня принудили. Боковым зрением я увидела, как воин поднялся со своего сиденья.

Я успела подумать, что сейчас он снова сделает со мной что-то страшное, на этот раз довершит начатое, но тэн рывком распахнул дверь и свистнул.

Тут же пространство рядом с лингером осветила птица со светящимися крыльями, а напротив распахнутой двери оказался титанозавр. Животное фыркало, хрипело, вскидывало попеременно все шесть ног, яростно сверкало шестью парами глаз.

– Если хочешь, чтобы тебя воспринимали как равную, принцесса, – сказал Ягат. – Будь ей. Будь демоницей, а не пери.

С этими словами он прыгнул и в следующий миг оказался на спине могучего зверя. Дверца в лингер с треском захлопнулась и я осталась одна.

Глава 4

Какое-то время я просто тряслась, сжавшись в комок и забившись в угол сиденья с ногами. Затем торопливо принялась приводить в порядок одежду. Ягат порвал гемлек на груди чуть ли не на двое, но энтари почти не пострадало. Благодаря низкому вороту с запахом до самого пояса, энтари не препятствовало унизившему меня воину властно и по-хозяйски осмотреть меня.

От пережитого на глаза навернулись слезы.

То, что тело продолжает дрожать, только усиливало стыд.

Первым порывом было снять испорченные вещи, которые еще недавно с такой любовью выбирала для меня Лала и надеть новые.

Но затем я вспомнила, что новых вещей у меня нет. Меня увезли из родительского дворца в том, в чем была на церемонии поздравления. Со мной поступили, как с последней рабыней, у которой нет и не может быть собственности, потому что она сама – собственность господина, и все, что на ней – тоже принадлежит ему. Я подумала, что должно быть, Ягат испортил мою одежду специально, ведь он говорил, что придумает способ, как меня наказать. Это осознание унизило еще больше, перед глазами появилась пелена, а в следующий миг слезы хлынули потоком.

Снаружи раздались голоса.

Переговаривались тэны. Слушая обрывки фраз, я поняла, что мы присоединились к каравану, который ожидал у стен Бхукти-Джар. Я осторожно отдернула занавеску и увидела, что лингер сопровождается несколькими воинами на титанозаврах, впереди едет еще один, и, судя по грохоту сзади, там тоже то ли лингер, то ли повозка. Мир охвачен тьмой и окрестности родного города кажутся незнакомыми, ведь я редко покидала Бхукти-Джар в такое время. Только на разные празднества с сестрами, подругами, служанками, с полагающимся статусу сопровождением, как того требовали традиции.

Сейчас, лингер, в котором я еду, запряженные четверкой огромных пугающих животных, несется с ужасающей скоростью, словно сквозь саму ночь. Над воинами хлопают светящимися крыльями птицы: тэны смазывают ручным сапсанам перья специальным раствором, когда собираются путешествовать в темноте.

Вот одна из птиц взмыла вверх, замерла на миг, и, сложив крылья, светящимся камнем обрушилась вниз. У самой земли распахнула крылья, и, когда взмыла вверх снова, в ее мощных когтях билась несчастная мышь с круглыми вытянутыми ушами.

Я поспешно задернула занавеску, но писк несчастной жертвы еще долго стоял у меня в ушах, а перед глазами застыла страшная картина, как бедное животное бьется в когтях хищной птицы.

Поспешно вытирая все новые дорожки слез, я ощутила себя такой же несчастной жертвой, как этот зверек.

– Нет, – сказала я вслух и голос прозвучал немного хрипло от слез. – Никогда пятая принцесса Бхукти-Джар не будет ни рабыней, ни служанкой. Я не позволю запугать себя, не позволю смешать себя с дорожной пылью. Меня подвергли неслыханному позору, дому моих родителей нанесли тяжелейшее оскорбление, отцу – личную обиду, вытребовав дочь в обмен на клятву, но я никогда не забуду об этом! Я не забуду того, кем являюсь! Пятой принцессой Бхукти-Джар, дочерью великого тсара Оридана Мудрого и прекрасной тсари Астарты Огненной, коралловой Рахаат Сафирой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.